

А. ВЕРТ

ЗВЕРЬ

ЦИКЛ «ДЕТИ ЭШТАРА»

Дети Эштара

Александр Верт

Зверь

«Автор»

2020

Верт А.

Зверь / А. Верт — «Автор», 2020 — (Дети Эштара)

Эншард считал, что его судьба предрешена. Будучи третьим принцем, прожившим почти всю жизнь на поле боя, он был уверен, что никогда не станет бороться за власть и исчезнет, не оставив ни скорбящей жены, ни потомства, но одна снежная буря вдали от родины столкнула его с женщиной, которая все изменила. Он узнал, на что действительно способен как воин, как мужчина, как претендент на трон. Ему просто было суждено изменить ход своей жизни и историю своей страны. В тексте есть сцены насилия и жестокости. Исходники для обложки взяты с сайта depositphotos.

© Верт А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Снежное виденье	5
Глава 2. Эштарские сладости	9
Глава 3. Два медведя	15
Глава 4. Отцовская любовь	20
Глава 5. Муж для королевы	24
Глава 6. Испытание Бога Войны	31
Глава 7. Между севером и югом	39
Глава 8. Невидимые цепи	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Верт

Зверь

Глава 1. Снежное виденье

Королевство Авелон, Ниор

– Хватит пить! – заявил Эеншард, стукнув пустой кружкой по столу.

Было не ясно, ему вдруг захотелось это заявить, и к кому он обращался. Его люди – два молодых, но бравых вояки – пьяно осмотрелись, ничего не понимая, но Эеншарду не было до них никакого дела. Его карие глаза сосредоточенно изучали пустую кружку.

Он был старше своих спутников и на родине считался зрелым мужчиной. Его черные волосы длинными волнистыми прядями закрывали уши и лезли в глаза. Пышная жесткая борода прятала бледные от холода губы, а смуглая загорелая под южным солнцем кожа не могла побледнеть.

Здесь для южанина было нестерпимо холодно. Это раздражало, как и меховая накидка, без которой не удавалось согреться, а плечи от меха противно зудели. Еще и рубашка сбивалась складками на полуголых руках, не привыкших скрываться под одеждой, а противные мурашки от холода бегали по коже и пробирались в сапоги. Но больше всего злила невозможность уехать отсюда сквозь снежную бурю.

Окна трактира были закрыты и плотно заколочены изнутри. Заколочена была и дверь, но все равно дрожала в такт свисту ветра. Эеншард знал, что там, за дверью непроглядная белая пелена из снежных вихрей с кусочками льда. Знал, что ветер там невыносим. От здешнего холода его и без того грубые руки покрылись трещинами, но это было меньшим из всего, что могло его волновать.

– Хватит пить, – сказал он уже, очевидно, самому себе, переворачивая кружку дном кверху.

– Так делать же больше нечего, – прошептал молодой человек рядом.

– Только пить и трахаться, – тихо усмехнулся второй.

– Да трахаться тоже не с кем, и холодно к тому же. Как тут люди вообще рождаются?

– Понятия не имею, – фыркнул Эеншард. – У меня здесь скоро яйца отмерзнут.

– Не могли бы вы не выражаться? – внезапно спросил строгий женский голос где-то совсем рядом.

– Чего? – не понял Эеншард, глядя на источник внезапной реплики.

Голос его звучал грозно, как и всегда. Можно было подумать, что он способен убить за это короткое замечание, но в действительности мужчина искренне не понимал, чего от него хотят. Он был убежден, что не сказал ничего неприличного и теперь с большим трудом устался на девушку, сидевшую за столиком рядом.

– Я прошу вас, господа, не выражаться, хотя бы во время моей трапезы, – невозмутимо проговорила молодая особа, манерно отрезая кусочек оленины.

Она была красива. Можно даже сказать – безупречна. Сначала Эеншард заметил ее руки с длинными изящными пальцами и кожу белую как снег. Затем он оценил ее всю: фигуру с тонкой талией и пышной грудью, полностью скрытой платьем, длинные ноги, силуэт которых читался под шерстяной тканью. То, что он мог лишь вообразить прелесть ее наготы, почему-то сильно волновало пьяный, одурманенный бездельем разум. Эеншард невольно облизал губы и только затем взглянул на ее лицо, окончательно переставая понимать происходящее. То ли он был смертельно пьян, то ли уже умер, но перед ним была совершенная женщина. Снежная дева с мягкими чертами лица, с ресницами светлыми, но огромными, взмывающими словно

пушинки, с волосами белыми, длинной косой, опускавшейся к самому полу, и глазами пронзительно синими, такими, что от них невозможно было отвести взгляд.

Она смотрела прямо на него и спрашивала все так же строго:

– Вы выполните мою просьбу?

Эншард бестолково кивнул, все еще не понимая, что вообще сказал не так, и отвернулся.

«Надо действительно перестать пить, – решил он, хмурясь, – а то мне мерещится всякая невидаль».

Обычно он не пил так много. Мог, конечно, выпить, особенно в честь победы. Захваченные города должны были греть его ромом и хорошей женщиной, но пить третий день – это действительно слишком, потому Эншард покинул зал, ушел к себе и просто окунул голову в бочку с ледяной водой. Только он никак не ожидал, что ледяная вода на севере сильно отличается от ледяной воды на юге. От рухнувшего на него холода зазвенело в ушах и свело челюсть, но он сосчитал до десяти, прежде чем вынырнуть и мотануть гривой длинных черных волос.

Возможно, это было жестоко. По телу сразу прошел озноб, но главного он добился – опьянение исчезло. Разум стал кристально чистым и из тумана забвения всплыли все тревоги, связанные с задержкой. Главнокомандующему армии никак нельзя застревать в чужой стране, только бурю это явно не волновало. На вражескую армию она никак не походила, потому Эншард не мог с ней бороться, оставалось только ждать, когда она утихнет и позволит покинуть трактир.

Размышляя о собственной беспомощности против стихии, он снова вышел в коридор, спешно убирая с лица мокрые волосы и машинально почесывая шею, и тут же замер. Его пьяное видение – безупречная снежная дева – проплыла мимо по широкому коридору. Она, вопреки всем его ожиданиям, оказалась реальной женщиной и без дурмана казалась ему еще прекрасней в своем платье, расшитом жемчугом.

Такое сокровище он не мог упустить. Такая женщина просто должна была принадлежать ему, покориться, как очередная захваченная крепость, потому что никого и никогда прежде он так не желал.

Сократив расстояние между ними в два спешных шага, Эншард властно привлек девушку к себе, довольно однозначно упираясь пальцем в выступающую косточку ее таза.

– Скажи мне, дитя севера, как так вышло, что буря за окном третий день, а я вижу тебя впервые? – спросил он, заглядывая в синие глаза.

Девушка гордо посмотрела на него, но вместо ответа вцепилась в его руку, отрывая ее от своего тела.

– Не смейте ко мне прикасаться, я не потерплю подобного.

Эншард не стал ее удерживать, позволяя освободиться, но мысленно посмеивался, наблюдая, как она, отступив, не сводила с него глаз.

– Или вы считаете, что силой можно взять все? – спросила она с явным вызовом.

Эншард видел страх в ее глазах, но от него не скрылась и решимость, с которой северянка была готова бороться с ним. Ему никогда прежде не отказывали. Большинство женщин, которыми он обладал, просто боялись сказать «нет» огромному вояке вроде него, а он этого даже не понимал. Зато эта худенькая изящная особа не побоится не только отказать. Она была готова даже драться, если придется, понимая, что он окажется сильнее.

Эншард задумчиво коснулся мокрой бороды, не зная, как с ней себя вести, и сказал:

– Даже зверь не берет самку силой.

– Только ваши люди явно думают иначе, по крайней мере, один из них! – заявила девушка.

Эншард переменялся в лице.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, начиная злиться.

– Один из ваших вояк взял силой мою служанку, потому я и покинула свою комнату, – ответили ему с вызовом.

– Кто?

– Тот, что со шрамом на правом виске.

Больше Эеншард ничего не спрашивал, а, развернувшись, поспешил к лестнице. Он догадывался, кого именно северянка назвала своей служанкой. Людей здесь было слишком мало, а женщин тем более. Жена трактирщика, его дочь пяти лет и девчушка лет пятнадцати, у которой Эеншард еще в первый день бури спросил была ли она с мужчиной, предсказывая испуганный отрицательный ответ.

Без слов и объяснений он резко положил руку на голову одного из своих подчиненных и тут же, хватая за волосы, ударил того носом о стол, поднял и спросил:

– Я кому говорил чужеземных необъезженных девок не поганить?

Молодой воин хотел что-то ответить, хватаясь за меч, но его еще раз ударили об стол и швырнули на пол. Не позволяя подняться, Эеншард поставил ногу на спину бойца и, навалившись всем весом, прошипел:

– Если еще раз хоть когда-нибудь – я тебе твои яйца неугомонные просто отрежу!

Он зло пнул подчиненного, не давая ему право обнажить меч, словно тот был не достоин такого права, и быстро вернулся к лестнице. Вслед ему летели ругательства, мешавшиеся с кровавыми плевками на пол, но его это не волновало. Эеншард был уверен, что прав и теперь хотел знать считает ли так же северянка, застывшая на последней ступени.

– Она была невинна, – прошептала она с горечью, когда Эеншард приблизился.

– Так я это и сказал, – шикнул Эеншард, упираясь кулаком в стену. – Если я предложу ей денег – это ее оскорбит?

– Оскорбит, – ответила синеглазая куда мягче.

– А что она примет в качестве извинений?

– Тут извинениями ничего не изменишь.

– Но это единственное, что я могу, – признался Эеншард, глядя собеседнице в глаза.

– Вы правы, но это не ваша вина. – Она мягко коснулась его плеча, глядя уже без страха и не защищаясь. – Простите меня за грубость, вы не заслуживали от меня таких слов.

Воодушевленный такими речами, Эеншард едва не коснулся ее талии, но она остановила его руку теперь уже без опаски и сообщила:

– Но я не хочу быть вашей женщиной, поэтому прошу, не прикасайтесь ко мне.

Он убрал руку, на что она благодарно кивнула.

– Как ваше имя? – спросила она.

– Эеншард Клен Дерва.

– Принц Эштара? – удивленно спросила женщина. – Тот самый, что почти разорил Фрет?

Он только нахмурился, но не ответил.

– И не жалко вам страну, города которой вы превращаете в руины?

Эеншард ответил не сразу, пытаясь понять, зачем она это спрашивает, так пристально глядя ему в глаза, а потом все же заговорил, удивляясь тому, как сильно стучит его сердце в груди. Он уже не чувствовал холода, его не раздражал мех и даже потрескавшиеся руки не болели, когда он смотрел в ее глаза. Обычно он утверждал, что ему неведома жалость, но этой женщине он не смог соврать.

– Не я решаю с кем и как воевать, – ответил он приглушенным басом. – Я только выполняю приказы короля, как делал бы это любой воин на моем месте.

– Тогда простите мой вопрос. Теперь я буду знать правду.

Она хотела ускользнуть, но он поймал ее за руку и был готов мгновенно отпустить, если она возмутится. Главное было удержать ее еще хоть на миг, но она не стала возмущаться, даже освободиться не пыталась, обернувшись. Только в глаза посмотрела с волнующим интересом.

– Как вас зовут? – спросил Эеншард, желая знать хотя бы имя.

– Ленкара.

– Как принцессу?

– Как принцессу, – улыбаясь, ответила она.

– Можно я еще спрошу?

– Спросите.

Она даже улыбнулась уголками губ.

– Почему нет? – прямо и даже чуть резко спросил Эеншард, с трудом сдерживая желание крепче сжать ее пальцы и притянуть ее к себе так, чтобы она ощутила его желание даже сквозь теплые одежды.

Ленкара посмотрела внимательно, почти нежно, будто думала о том же, но ответила, как и полагалось аристократке в беседе с варваром:

– Не нужны причины для отказа, если нет причин, чтобы согласиться, если вы, конечно, понимаете, о чем я говорю.

Он понимал, потому спрашивал о другом, все же сжимая ее ладонь.

– Когда я могу увидеть вас снова?

– А вам угодно меня видеть?

– Да.

– Тогда вам непременно повезет увидеть меня вновь.

Она мягко освободила руку и скрылась на лестнице, заставляя мужчину провожать ее взглядом, машинально почесывая шею. Он не знал как, но был уверен, что эта женщина должна принадлежать ему, потому что он любил захватывать самые неприступные крепости.

Глава 2. Эштарские сладости

Ленкара расчесывала свои длинные белые волосы, придерживая их, чтобы они не касались пола, в тот момент, когда в дверь постучали.

– Войдите, – тут же отозвалась она, перекидывая волосы через руку, чтобы встать если придется.

Визита она не ожидала, потому даже испугалась, но тут же улыбнулась, заглянувшей в комнату маленькой дочери трактирщика. Она весело подбежала к креслу, протянула Ленкаре деревянную шкатулку.

– Вам просили передать.

– Кто? – удивилась Ленкара, открыв подарок.

– Мне велели не говорить.

Ленкаре и не нужен был ответ. Она догадывалась, кто это может быть, понимала, что эштарский принц не отступит так легко, ждала от него знаков внимания и была уверена, что найдет в шкатулке очередное вычурное украшение, которое ей дарили другие принцы. Такой подарок заставил бы Ленкару рассмеяться, но в шкатулке не было золота, только эштарские сладости. Это было так неожиданно и в то же время волнительно, что Ленкара прикрыла губы руками, пряча улыбку, а потом поворачивая шкатулку к девочке.

– Возьми немного, – предлагала она.

Та поджала губы и отрицательно покачала головой.

– Мне дали вот такую жменью! – призналась она, складывая ладошки вместе, и тут же жалобно добавила: – Я лопну, если съем еще хоть немного.

– Понятно, спасибо, что принесла ее мне.

Захлопнув шкатулку, Ленкара встала, выпустила девушку и выглянула в коридор. Как она и ожидала, эштарский принц стоял у стены чуть поодаль, задумчиво почесывая шею.

– Вы пытаетесь быть дружелюбным? – спросила Ленкара, изучая мужчину.

Тот посмотрел на нее, сверкнув черными глазами, и убрал от лица руку, позволяя Ленкаре заметить перемены. Если бы не одежда и черные глаза, Ленкара не узнала бы в этом человеке принца, с которым говорила утром. Он сбрил бороду и оттого показался ей совсем молодым и очень простым, словно перед ней был не воин, а сын простого торговца, видевшего несколько схваток с разбойниками и умевшего защищать себя и свое имущество.

– Дружелюбным? – переспросил Ээншард грубым басом и, подумав, тут же ответил: – Наверно.

– Тогда, может, зайдете? – предложила Ленкара. – Я вас горячим кронтом напою.

Ээншард понятия не имел, что такое кронт, но согласно кивнул, несмело шагнул к ней. Зайдя в комнату, он сразу замер, наблюдая за тем, как женщина быстро сложила волосы на затылке и закрепила двумя деревянными зажимами, а затем сама поставила в огонь в камине некий металлический кувшин. Было в этих ее простых движениях что-то завораживающее, что-то такое, что Ээншарду от молчания становилось беспокойно, и он говорил почти невпопад:

– А ваша служанка...

– Ида.

– Да, наверно, – Ээншард снова почесал шею, понимая, что делает это уже не из-за раздражающего меха, а просто от странного чувства неловкости, из-за которого остро хотелось занять чем-то руки. – Ида хоть в порядке?

– Она не может быть в порядке, но я думаю, что с ней все будет хорошо со временем, а пока она нуждается в отдыхе и покое.

Ленкара накрыла кувшин крышкой, опустив ее с помощью крючка, только затем обернулась и взглянула на крупного мужчину, стоявшего как робкий мальчишка у двери. Она никогда не видела таких больших людей, высоких, с плечами широкими, словно у медведя, а не человека. И его руки смуглые, все в тонких светлых шрамах, казались ей источником невероятной силы, которая теперь почему-то робела.

– Не думайте про Иду, – произнесла она, наконец. – Я позабочусь о ней.

Сев в кресло, она жестом пригласила эштарца занять место напротив.

Ээншард сел, машинально забросив правый сапог на колено левой ноги. Подобная посадка была неприличной здесь в Авелоне, но Ленкара решила не придирааться, прекрасно понимая, что никто не собирался ее оскорблять таким поведением. Принимая такие манеры, она просто смотрела на него, а он – на нее, молча, без слов, намеков и жестов.

Завывания ветра, треск дров под языками пламени и взгляд пронзительный, как шепот.

Внезапное шипение заставило их опомниться. Ленкара, вскочив, метнулась к камину, подхватила кувшин специальной рогаткой, зацепив обе ручки и тут поняла, что поверх ее рук

легли другие, огромные сильные руки. Эеншард, став за ее спиной, легко перехватил деревянную ручку рогатины и поставил кувшин на стол.

Закипевший напиток розовой пеной сочился по стенкам кувшина.

– Спасибо, – прошептала Ленкара, невольно смущаясь, с трудом понимая, почему вдруг по ее коже от самых пальцев побежала дрожь.

Она даже успела покраснеть, а мужчина, несмотря на все ее опасения, просто отступил. Потому, выдыхая, Ленкара ставила две большие чашки, а он без лишних просьб, обернув кувшин полый своей накидки, наливал содержимое в обе кружки и только затем посмотрел ей в глаза.

– Что это? – спросил Эеншард, пытаясь понять, что именно напоминал ему пряный аромат густого напитка.

– А вы никогда раньше не пили кронт? – удивилась Ленкара.

– Нет.

– Тогда попробуйте, а потом я отвечу.

Она улыбалась, сжимая свою кружку двумя руками, а он только посмотрел на нее, затем, ухватив свою кружку, сделал глоток.

Напиток был обжигающе горячим и чуть сладковатым, но его тепло, не имеющее ничего общего с алкогольным дурманом, бодрящей волной расплывалось по телу.

– Это сок дерева крон. Если его нагреть, он становится очень вкусным и помогает не замерзать, – сообщила Ленкара, открыто улыбаясь.

– Так вот как вы тут выживаете, – усмехнулся эштарский принц так, словно только что узнал величайший секрет в истории мира.

Она опустила глаза, по-прежнему загадочно улыбаясь, а потом вновь взглянула на его руки, замечая огрубевшую и потрескавшуюся кожу.

– Можно? – спросила она, ставя кружку и несмело прикасаясь к его руке.

Он не ответил, а просто позволил ей двумя руками взять свою левую руку. Ее пальцы ласково и бережно скользнули по мозолям на его ладонях – грубым и старым. Его руки привыкли к оружию, а не к прикосновению женских пальцев, и она это понимала, но все равно прикасалась к ранам, возникшим из-за холодного ветра ее страны, а он удивлялся тому, какими тонкими и маленькими казались ее пальцы рядом с его лапищей.

– Неужели у вас нет перчаток? – спрашивала она взволнованно.

– Есть, но в них неудобно, – отвечал Эеншард, пожимая плечами.

– Вы просто не привыкли.

Она отпустила его руки и отступила в сторону, чтобы взять с маленького столика небольшой флакон.

– Позвольте мне помочь вам.

Эеншард смотрел на нее растерянно, откровенно не понимая, чего хочет эта женщина.

– Это пустяки, – буркнул он, показывая руки. – Само пройдет.

Он даже вспомнить не мог, чтобы о нем кто-то так же беспокоился, как сейчас эта северянка.

– Не упрямитесь, пожалуйста, – шептала Ленкара, заставляя его сдаться, а затем брала его за руку, садила в кресло и, расположившись напротив, вновь взяла его руку. Эеншард смотрел то на нее, то на бледные руки, бережно наносящие мазь на обветренную кожу. Из чего бы ни было это белесоватое снадобье, но от него по руке шла приятная легкая прохлада и болезненные ощущения отступали.

– Теперь другую, – попросила она, мягко улыбаясь.

Эеншард, не споря, перехватил кружку и протянул ей правую ладонь, куда более грубую с рваным шрамом на запястье.

– Боевая рана? – спросила Ленкара, нащупав его пальцем.

– Волк укусил, – буркнул Эеншард.

Уловив перемену в его голосе, Ленкара посмотрела ему в глаза и умолкла, позволяя тишине заполнить комнату, пока она мазала обветренную кожу мазью, не зная, что спросить.

– Спасибо, – сказал Эеншард, первым нарушая тишину.

– Должна же я хоть немного скрасить впечатление о своей родине, а то вы подумаете, что здесь только горы да бури.

– Не подумаю. Здесь есть вы.

Он снова машинально коснулся шеи, опуская глаза. Подобной чуши он еще никогда не говорил и не заметил, как девушка смущенно опустила глаза.

Вернув мазь на место, Ленкара забрала свою кружку и замерла у стола, с интересом поглядывая на мужчину.

– Можно я задам не очень приличный вопрос?

Эеншард кивнул и тут же нахмурился, не представляя вопрос, который он сам счел бы неприличным, а что неприличным могла назвать эта северянка – и подавно.

– Не сочтите за дерзость, просто я никогда не была знакома с эштарцами, но это правда, что у вас много жен?

– Нет, у нас много женщин, но жена может быть одна, правда знать редко берет кого-то в жены: имея много наложниц – это бессмысленно.

– А как же наследник?

Эеншард нахмурился, не совсем понимая вопрос, но все равно пояснил:

– Когда женщина принадлежит мужчине, все ее дети – его дети, а все сыновья – наследники.

– И при этом отцы выбирают мужчин, лишаящих девственности своих совсем молоденьких дочерей, которые потом сами выбирают себе мужчин столько, сколько сами захотят? И никакой любви? Я явно чего-то не понимаю.

Она сжала кружку двумя руками, сделав глоток.

– Наверно, не понимаете, – прошептал Эеншард, не представляя как это можно объяснить.

Почему-то он стал мрачным и задумчиво посмотрел на темный напиток, подставляя лицо ароматному пару.

– У вас много женщин? – спросила внезапно Ленкара.

– Около двадцати, – признался Эеншард.

– Так много!

– Для сына короля это мало.

– А детей?

– У меня нет детей. Не хочу, чтобы они были.

Ленкара сделала глубокий вдох, жалея, что затеяла этот разговор, поддавшись любопытству. То, как мужчина мрачнел, ее пугало. Мышцы на его плечах напрягались, перекачивались под одеждой, а пальцы все сильнее сжимали кружку, словно были готовы ее раздавить.

– Простите, я не должна была все это спрашивать, – спешно проговорила Ленкара. – Меня ведь это совсем не касается.

Он вдруг посмотрел на нее странным, мрачным и в то же время теплым взглядом и внезапно произнес:

– Если бы вы уехали со мной, когда буря закончится, я бы задумался о детях и браке.

Ленкара побелела, понимая, что эти слова совсем не шутка, и ей прямо сейчас делали предложение в странной, извилистой манере, словно проверяли почву перед настоящим шагом.

Видя, как она изменилась в лице, он встал.

– Простите, я зря пришел.

Ему внезапно стало тошно и противно от сильного желания понравиться чужеземке, оттого что по глупости сбрил бороду, только потому, что мечтал ее поцеловать и от того, что робел перед женщиной, которая ему уже отказала, а он всем своим видом напрашивался на повторный отказ.

Поставив кружку на стол, он шагнул к двери, не оборачиваясь, а она внезапно заговорила:

– Простите меня, но даже если бы я захотела уехать с вами, то не смогла бы. Моя семья не простит мне подобного.

Он обернулся, пытаясь понять, стоит ли говорить о том, что он мог бы ее и украсть, согласись она на подобную авантюру.

– Ступайте и простите меня, господин Эеншард, я не должна была звать вас к себе.

Она отвернулась, а он быстро приблизился, осторожно, как никогда бережно касаясь ее подбородка, чтобы повернуть ее голову и взглянуть в глаза.

– Уходите, – прошептала она.

Он внимательно смотрел в ее глаза, чувствуя что, говоря одно, она думала о чем-то другом.

– Я обручена, уходите, – проговорила она дрогнувшим голосом.

Он убрал руку, понимая, что женщина, стоявшая перед ним, была обещана другому, а значит – не могла принадлежать ему.

– Жаль, – прошептал он. – Тогда прощайте.

Он вышел, так и не обернувшись, а Ленкара сползла на пол, дрожа всем телом, не веря, что она смогла соврать, глядя кому-то прямо в глаза. У нее не было жениха, но были куда более весомые причины, чтобы отвергнуть человека, действительно взволновавшего ее сердце.

Глава 3. Два медведя

На рассвете Ленкара к огромной своей радости поняла, что буря стихла. Ветер еще поднимал порою снежные вихри, сметая верхушки сугробов, но небо было ясным, и солнце, медленно поднимаясь вверх, озаряло белые просторы искрами снежных переливов. Понимая, что ее уже должны искать, Ленкара быстро простилась с хозяевами трактира, еще раз поблагодарив их за возможность тихо и без лишнего внимания переждать бурю, и быстро умчалась прочь, надеясь не попасться на глаза эштарцам.

Кутаясь в меховые одежды, она запрыгнула в дамское седло и ласковым движением руки заставила оленя двинуться по занесенной снегом дороге. Иду она оставила в трактире. Доверенные люди заберут ее вечером. Девушка чувствовала себя хорошо, а ее печаль давно перестала быть опасной и осталась естественной тоской.

Ленкара же понимала, что должна объявиться как можно раньше и теперь спешила по снежным сугробам к ближайшему посту стражи. Это было совсем рядом, нужно было проехать вдоль скалы, минуя изгиб соснового леса, и она окажется у заставы, из которой сможет отправить отцу сокола.

Ленкара была не робкой девочкой. В свои двадцать она далеко не первый раз в одиночку покидала город. Если бы не буря, она, обогнав свою свиту, оказалась бы на руднике раньше ожидаемого срока, а там увидела бы все как есть, несмотря на запреты отца и ее защитника Валерна. Хотя теперь она понимала, что ей придется немало объяснять им обоим.

Олень двигался медленно, глубоко проваливаясь в снег, а она его не торопила, понимая, что животному и так тяжело. Она думала о том, что именно скажет вечером отцу, когда поняла, что олень, беспокойно замирая, переступает с ноги на ногу, сомневаясь перед каждым шагом.

– Тише, мой хороший, что не так? – спросила Ленкара, поглаживая толстую шею своего любимца.

Вместо ответа она услышала дикий, бешеный рык, с ужасом оборачиваясь на скрип ломающейся сосны. На нее из леса выходил черный медведь с белым узором шерсти на груди. Крупный, обычно мирный зверь был в ярости, и Ленкара сразу поняла, от чего. Из плеча животного торчала сломанная уже стрела. Кто-то из незадачливых охотников, не убив добычу, скрылся, а теперь дикое разгневанное животное было готово напасть на любого.

Ленкара знала что ей делать, быстро хватая лук, закрепленный на кожаной упряжи. Стрелы в колчане тоже были под рукой, и она мигом прицелилась, стараясь попасть зверю точно в глаз.

Ленкара была метким стрелком и не промахнулась бы, если б только медведь не застыл на миг, а потом не зарычал, доламывая сосну, тут же начавшую падать как раз перед ее оленем. Ездовое животное встрепенулось, испуганно мотнув головой, и просто сбросило наездницу, отпустившую поводья. Стрела просвистела мимо, оцарапав зверю висок.

Олень, перепрыгнув через рухнувшую сосну, помчался в сторону заставы, рассыпая стрелы. Ленкара же беспомощно упала в снег. Шапка ее слетела, распуская длинные белые волосы. Стараясь не терять самообладание, девушка потянулась к одной из выпавших стрел, наблюдая, как зверь, опустившись на четыре лапы, переваливаясь, двинулся к ней. Ленкара мгновенно приготовилась к выстрелу, но ветер, как назло, порывом сбивал ее руку с нужного направления, а налитые кровью глаза животного приближались все ближе. Она понимала, что лучше попытаться отползти, чем впустую потратить стрелу и в то же время чувствовала, что, провалившись в снег, оказалась в капкане.

Оставалось только одно:

– Снежный Бог, прошу тебя, сохрани мне жизнь, – прошептала она беззвучно одними губами и просто закрыла глаза, дрожа всем телом.

В этот миг на скале над нею послышался стук копыт. Ветер порывом снес весь снег с каменного узкого выступа, по которому теперь с нервной неуверенностью быстро семенил ездовой олень.

Ленкара, открыв глаза, посмотрела наверх, забывая о рычании зверя, вновь поднимающегося на задние лапы.

На скале был Эеншард. Зверь под ним нехотя подчинился, инстинктивно боясь всадника больше, чем обезумевшего от боли медведя.

Эштарский принц без шапки, как всегда без перчаток, быстрым движением натянул тетиву своего лука и выстрелил. Огромная стрела, каких Ленкара никогда прежде не видела, вонзилась зверю в грудь, но не свалила его. Медведь пошатнулся, зарычал, опасно махнув лапой, но устоял.

Ленкара понимала, что еще миг и обезумевший зверь просто раздавит ее когтистой лапой, опускаясь на четвереньки. О силе медведей она знала достаточно, чтобы понимать, что это животное может без труда разорвать ее на части.

Пытаясь спастись, Ленкара двинулась назад, с большим трудом передвигаясь в снегу, но между ней и медведем возник эштарец. Он спрыгнул вниз, машинально потянувшись сначала к мечу, рукоять которого возвышалась над его правым плечом. Затем спешно осознав, что места слишком мало, дабы в полной мере использовать его огромный двуручный меч, он оставил его за спиной. Встретившись со зверем взглядом и с довольным вызовом рыкнув в ответ, эштарский принц выхватил кинжал, закрепленный у пояса, отклонился в сторону, уклоняясь от собственной стрелы, и вцепился в раненое плечо зверя.

Он был почти так же широк в плечах, как настоящий медведь, но как любой человек уступал зверю в росте. Его рука напряглась и тут же по жилам на его кисти потекла кровь разъяренного зверя. Медведю больше не нужна была Ленкара, он клацнул зубами, взмахнул лапой и полоснул когтями руку, распарывая меха, одежду и кожу, но Эеншард не дрогнул, завершая удар. Одним уверенным движением он вонзил кинжал в звериную шею и резко повернул с грубым хрустом.

Из глотки зверя вырвалось хлопающее подобие рычания, а потом эштарец просто толкнул безжизненную тушу, помогая ей рухнуть.

– Проклятый снег, – заявил он, резким движением стряхивая с лезвия кинжала кровь.

Он был недоволен собой. Впервые ему пришлось нанести два удара по одному врагу, да и, прыгнув вниз, он по колено увяз в снег, а тот успел забиться ему в сапоги и уже начинал хлопать противной влажной мерзлотой. Он просто не привык к такому ветру, к такому холоду и к такому количеству снега, но, вытирая кинжал о все равно измазанные кровью штаны, он не позволил себе грубых ругательств, которыми обычно обильно была усыпана его речь, а, спрятав оружие, с большим трудом шагнул к Ленкаре. Она попыталась встать. Он хотел подать ей руку, но поздно осознал, что обе его руки безнадежно вымазаны медвежьей кровью, а в довершение всех неприятностей еще и умудрился оступиться, задев ногой одну из спрятавшихся в снегу веток, упал в сугроб на колени перед Ленкарой.

Женщина сама подползла к нему, касаясь раненой руки.

– Что вы делаете здесь? – спросила она, пытаясь осмотреть рану мужчины.

Когти медведя только вскользь задели эштарца, неглубоко распоров кожу, но из длинных параллельных ран все равно сочилась кровь.

– Охотники пережидали где-то здесь в пещерах бурю, а вернувшись, сказали о медведе, трактирщик же стал сетовать, что вы поехали в эту сторону и...

Он запнулся, наконец взглянув в ее глаза.

– И вы поехали меня спасать?

– Вы же женщина, – ответил Эеншард, словно это все объясняло.

Он чуть приблизился, оказавшись так близко, что Ленкара слышала, как тяжело и неровно он дышит, и, не удержавшись, коснулась губами его губ, сама подавшись вперед и цепляясь рукой в его меховую накидку. Нежно, ласково и несмело она скользнула губами по его губам, понимая, что еще миг и огромный воин легко увлечет ее в свои объятия.

– Ваше высочество! – воскликнул кто-то совсем рядом.

Она тут же отпрянула. Эеншард, мгновенно понимая все, тоже отстранился, убирая руку, что уже успела коснуться ее спины.

– Уезжайте, – прошептала Ленкара, умоляюще глядя ему в глаза. – Просто уезжайте.

Он кивнул, не сводя с нее глаз, видя, как она оборачивается, понимая, что стража, выехавшая за ней, увидев оленя, еще не видела их из-за упавшей сосны.

Она хотела встать, но он внезапно поймал ее руку.

– Но вы ведь не обручены? – спросил он, сомневаясь в точности своих знаний об авелонской принцессе.

– Я обручена с отцовским тронем, – прошептала она, освобождая руку. – Уезжайте.

– Я буду просить вашей руки, – заявил Эеншард, не позволяя ее пальцам ускользнуть.

– Уезжайте, – повторила она. – Просто уезжайте и забудьте меня.

Она встала, наконец освободив руку. В этот миг стражники, срубив торчавшие ветки сосны, прорвались к ним.

– Вы ранены? – спросил командир отряда, видя кровь на белых одеждах принцессы.

– Нет, – ответила Ленкара. – Помогите этому человеку, он спас мне жизнь.

Она быстро запрыгнула в седло своего оленя, приведенного сюда одним из стражников заставы, и помчалась прочь, не оборачиваясь и упрямо повторяя себе, что долг важнее коротких странных желаний сердца.

Глава 4. Отцовская любовь

Королевство Эштар, столица Эшхарат

Эеншард на поездку в Авелон отвел две дюжины дней: десять дней на дорогу туда, обратно – столько же, два дня – на возню в Авелоне и еще два – на непредвиденные задержки. В итоге он потратил на неделю больше.

Сначала шторм задержал его на пути в Ливран, затем буря заперла в Ниоре. В завершение он, недооценив коварства промокших ног в морозе, и был свален болезнью. Пришлось свернуть на полпути и зайти в порт ради лекаря, потому что корабельный понятия не имел, что делать с принцем, кашлявшим густой жижой цвета красного песка. Сам же Эеншард, как человек, в последний раз болевший почти тридцать лет назад, не хотел поддаваться болезни, но жар буквально свалил его с ног.

Только полного выздоровления он не дождался, продолжил путь как только смог стоять на ногах. Три последних дня на корабле Эеншард перенес с большим трудом. Первые два он пролежал с поднявшимся вновь жаром, к третьему стало лучше, но дышать все равно было тяжело.

Теперь же он командовал в порту, стараясь не замечать головную боль.

– Это – сразу в кузню! Головой отвечать будешь! – громогласно повелевал он. – Это – в замок!

– Эеншард!

Принц сразу обернулся, услышав совсем юный голос. Черноволосый мальчик лет тринадцати, кучерявый и большеглазый бросился к принцу.

– Эрт? – удивился Эеншард, увидев брата.

Эмарган, которого он всегда называл просто Эрт, вцепился ему в руку и с ужасом спросил:

– Ты где был?

– В Авелоне, – спокойно ответил Эеншард. – Я же говорил. Да и отец меня отпустил. Что случилось?

– Тебя не было и отец отправил брать Крифр Артаса и Эраста, – дрожащим голосом сказал мальчик.

– Почему Крифр? Его нельзя было брать, не захватив Терн, – ответил Эеншард, хмурясь, но тут же с ужасом понимал, что младший брат сжимает губы и старается не плакать. – Что?

– Артас погиб прямо там, а Эраст...

Тут мальчик все же не выдержал и заплакал, но, чтобы этого никто не увидел, опустил голову, спешно вытирая глаза.

– Что с Эрастом? – с трудом спросил Эеншард.

– Он потерял в бою ногу и отец...

Мальчик снова сбился, стараясь не разрыдаться.

Эеншард же закрыл глаза, слишком хорошо зная отца.

– Он убил его?

– Да, приказал Шадифу убить и...

Эрт не смог договорить, но Эеншард и не требовал этого. Он привлек его к себе, положив руку на плечо, и позволил тихо заплакать в короткую жилетку.

«Из девяти осталось шестеро» – подумал Эеншард, считая эштарских принцев.

Эеншард действительно слишком хорошо знал своего отца, короля Эштара, это было в его духе – после переговоров заявить, что ему срочно нужна столица Фрета. Вот только Эеншард не вернулся неделю назад, как планировал, и не оказался рядом в тот момент, когда был готов приказ.

Как же низко было отправить в бой Артаса с Эрастам. Артасу было всего двадцать пять, он был молод и талантлив, но ему не хватало опыта, к тому же он всегда занимался морскими сражениями, а Крифр был далек от моря. Эрасту и вовсе только в этом году исполнилось двадцать, и умер он только потому, что их отцу сын-калека просто не нужен.

Думая именно об этом и зло сжимая кулаки, Эншард быстрым шагом пересекал залы южного дворцового крыла. Он хотел увидеть отца, хотел понять, почему вместо него на Крифр не пошел кто-то из старших, хотя в глубине души понимал, что для короля Дешара третьего дети были не больше, чем расходный материал.

У двери Эншард все же замер, сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и только затем шагнул в тронный зал. Он был в штанах и короткой жилетке, потому свежая, еще не до конца зажившая рана на правой руке, оставленная медведем, была заметной.

Его отец, не любивший покидать свой трон, сейчас расположился именно на нем, поглаживая волосы одной из своих наложниц. Обнаженная девица сидела у его ног с видом тощего затравленного зверька, боящегося даже дрожать в руках охотника. Дешару было почти семьдесят, но он каждую ночь менял женщин из гарема, а порой даже таскал их за собой, чтобы брать их в любую минуту на глазах у собственной свиты. Такие были нравы у старого короля с темными дикими глазами, словно выжженными пламенем.

Два его старших сына тоже были здесь. Эймар – самый старший из сыновей, положив руку на меч наследника, с презрением посмотрел на Ээншарда, а Шаdif – еще один из старших братьев, только гневно оскалился. На более радушный прием Ээншард и не рассчитывал.

– Где ты был? – спросил Дешар, внезапно хватая наложницу за волосы так, что девушка вскрикнула, заставляя звучное эхо пробежать по огромному залу.

Ээншард ответил не сразу, даже не морщась от неприятного ему крика. Он подошел к отцу, остановился на том расстоянии, что считалось почтительным, посмотрел ему в глаза и только затем ответил:

– Вам известно, что я был в Авелоне, отец.

– Где ты шлялся целую неделю?!

Король оттолкнул от себя девушку с такой силой, что она рухнула и не смела теперь подняться, а Ээншард смотрел на нее и молчал. Шторм, буря и уж тем более день, потерянный из-за спасения принцессы, и его внезапная болезнь – все это для короля не имело ни малейшего значения, а значит оправдываться смысла не было.

– Еще и бороду сбрил, словно щенок!

Шаdif усмехнулся, предвкушая продолжение.

– Простите, отец, – произнес Ээншард равнодушно, даже не пытаясь изобразить раскаяние. Он тоже знал, что будет дальше. Все знали.

– Простите!? По-твоему, это что-то меняет?! На колени!

Ээншард закрыл глаза. Ему вспомнился Шардар – еще один из его братьев. Когда Ээншарду было шестнадцать, Шардару было восемнадцать, и он посмел сказать отцу «нет». Он стал единственным, кто отказался выполнять приказы в этом зале на глазах у многих. Шардар не ударил свою мать и за это его – лучшего из всех наследников, сильнейшего, по мнению Ээншарда, – бросили безоружного к трем голодным, разъяренным львам. Одного Шардар смог убить, но два других просто разорвали принца на потеху жителей Эшхарата. Тогда Ээншард перестал быть четвертым и стал третьим принцем, ненавидя этот счет.

Выдыхая, Ээншард молча опустил на одно колено.

Дешар, не озвучивая приказ, дал Шаdifу кнут. Тридцатисемилетний Шаdif любил быть палачом и тем, по сути, забавлял своего жестокого отца. Зато все остальные его за это ненавидели, особенно Ээншард, слишком много видевший за свою жизнь.

– Я тебе напомню твое место, – прошептал Шаdif, проходя мимо брата.

– Смотри не перетрудишься, – ответил ему Ээншард, чувствуя, как брат, откровенно смеясь, резким рывком разрывал его жилет.

Спина Ээншарда, широкая с рельефом мышц, вся была изрезана тонкими рубцами. Ни одной боевой раны, только знаки отцовского внимания. Он не вздрогнул, когда кнут в очередной раз содрал кожу. Боль казалась ему далеким, ничего незначащим ощущением. Принц просто закрыл глаза, напоминая себе, что скоро отцу надоест, и он, Ээншард, получит свой приказ и снова покинет Эшхарат, не задержавшись даже на церемонию погребения младших братьев. Мертвым его внимание никогда не было нужно. Мертвые мертвы.

– Хватит, – бросил Дешар, когда ему действительно надоела эта порка с равнодушной жертвой. – Мне нужен Крифр и голова короля Зейлена Светлого.

– Прежде чем брат Крифр, нужно захватить крепость Терн, южнее столицы Фрета, – спокойно ответил Ээншард, не поднимая головы.

– Мне все равно, что ты будешь захватывать, но через неделю я хочу видеть голову Зейлена здесь, желательно отдельно от его туши.

Дешар встал и, жестом велел одному только Эймару следовать за ним, вышел. Наложница, только тут решившись подняться, быстро отползла в сторону, прячась от застывших Шаdifа и Ээншарда.

Как только они остались вдвоем, Шаdif тут же снова замахнулся, но Эеншард, резко развернувшись, поймал оружие рукой, крепко сжав окровавленные узлы на грубой коже кнута, выдернул его из рук брата и только потом поднялся.

– Не боишься, что его гнев настигнет и тебя?

Шаdif усмехнулся, показательно разминая большие руки настоящего бойца.

– Ты мне угрожаешь? – спросил он.

– Я не прошу тебе смерть Эраста.

– А себе ты ее простишь?

Шаdif рассмеялся и, махнув младшему брату рукой, отступил.

– Умри под Крифром, братец! – пожелал он, уходя, оставляя третьего принца одного.

Выбросив кнут и стянув разорванный жилет с окровавленной спины, Эеншард посмотрел на пустой трон, думая о том, что он напишет королю Айвану – правителю Авелона, понимая, что принести голову Зейлена через неделю практически невозможно, но это был единственный шанс получить разрешение на что угодно, даже на еще одну поездку в Авелон.

Глава 5. Муж для королевы

Королевство Авелон, столица Авар

– Лен-ка-ра!

Крик своего отца принцесса услышала еще до того, как он ворвался в ее кабинет, но все равно не встала и не отложила бумаги. Ее волновали ведомости рудника близ Ниора. Она понимала, что местный смотритель ворует, но по бумагам у него все сходилось, вот только регистрации грузов в порту и на границе говорили, что из страны стали вывозят больше, чем производят. Оставалось только провести расчеты и дать отцу готовый приказ, который останется лишь подписать. Тогда арест имущества виновного позволит получить деньги на реконструкцию местной шахты и кузнечной мастерской, что в последующем увеличит доход рудника, а Ленкаре принесет еще одну личную победу, как настоящей наследнице.

– Ленкара! Что это такое? – спросил король Авелона, бросив на стол перед дочерью письмо.

Ленкара отбросила за спину косу, отложила перо и взглянула на отца. Беловолосый и белобородый, с глазами такими же синими как у нее, король хмурился, делая морщины на своем лице глубже и отчетливее. Таким злым она редко его видела. Обычно он внешне никак не выдавал своего негодования, мог разве что высказать словами. Его упреков и разочарований старшая дочь всегда боялась. Ей казалось, что если отец огорчен, то она подвела весь Авелон. Возможно, кто-то когда-то именно так и говорил, но она этого не помнила, сжимаясь внутри всякий раз, когда видела отца недовольным.

Теперь ее сердце тоже сжалось, но Ленкара, сохранив самообладание, взяла письмо. Печать была сломана так, что она не могла сразу догадаться, откуда пришло послание, потому, развернув странно много раз сложенный лист, она стала читать написанное, удивляясь маленьким буквам с резкими чертами, собравшимся в самом центре большего листа.

«Ваше Величество, король Айван Эйен Лен дер-Валь, я прошу прощения за свою краткость, но как человек военный, я не привык к обходительности. Сразу перейду к делу. Я, Эеншард Клен Дерва, третий принц Эштара, прошу руки вашей старшей дочери – Ленкары Эйен Лен дер-Валь. Я прекрасно понимаю, что в этом браке не могу претендовать на власть, но если вы позволите, я готов верно служить и вам, и вашей дочери. Одно ваше слово и я навсегда оставлю родину, чтобы быть защитником наследницы Авелона».

По коже Ленкары мелкой рябью прошла дрожь. Она смотрела на подпись и не верила, снова перечитывая странное, непривычное ей письмо. Четко, конкретно, с неловкой попыткой хоть частично использовать благородный слог, коим в Эштаре не пользовались, но для нее так ярко, что она на миг затаила дыхание.

Просто она не думала, что эштарец действительно станет просить ее руки. Ей казалось, что, вернувшись домой, Эеншард просто забудет о ней среди своих наложниц, но он не забыл.

Стараясь не улыбаться, принцесса сложила письмо и посмотрела на отца.

– И что же я должна вам ответить? – спросила она.

– Почему мне пишет этот варвар-завоеватель?! – воскликнул Айван, стукнув ладонью по столу и забирая письмо.

– Мне казалось, что короля Дешара прозвали завоевателем, а не его сына, – спокойно ответила Ленкара.

Ее отец выдохнул, нервно махнул рукой и отступил от стола, чтобы сесть в кресло.

– Ты прекрасно знаешь, почему я так его называю.

– Да, все знают, что Фрет скоро станет третьей страной, павшей к ногам Дешара при помощи мастерства его сына Эеншарда, но когда вы, отец, подписываете приказ о казни, вы свою ответственность на палача?

Айван нахмурился.

– Ты защищаешь его?

– Я только говорю о том, что вам написал талантливый военачальник, готовый служить Авелону, оставив Эштар. Вы же судите его по политике его отца, разве это разумно?

– Ленкара! Я чего-то не знаю?!

– Да, отец, выходит, именно так, – проговорила девушка, прикрывая глаза. – Эеншард Клен Дерва и есть тот человек, что спас меня у скал Ниора.

Айван вскочил.

– Хочешь сказать, что ты дала ему право вот на это?! – Он схватил письмо и нервно встряхнул. – Ты отвергла всех своих женихов ради Этого!?

Ленкара смотрела на отца долго, вдумчиво, а затем неспешно встала.

– Отец, я могу вас заверить, что никаких прав и обещаний я ему не давала, однако этот человек произвел на меня особое впечатление. Он немного грубоват и манерами не изящен, но я уверена, что его слову можно верить.

– Я не потерплю такого зятя! – заявил Айван категорично. – Или ты что, правда считаешь, что вот этот может явиться сюда со своим гаремом и отдохнуть от сражений!? Тебе не кажется, что это все слишком странно и неправдоподобно? Принц Эштара желает руки моей дочери без коварного плана и подлости за пазухой? Ты, правда, так думаешь?!

– Отец, не гневайтесь так, – заговорила Ленкара, подходя к королю ближе. – Возможно, вы правы и все именно так, но может быть и иначе. Я не берусь убеждать, но я просила бы вас встретиться с ним, поговорив хоть раз. Вы, быть может, увидите то же, что увидела я, а если нет – я соглашусь, что ошибаюсь на его счет.

Бережно и ласково коснувшись отцовского плеча, Ленкара взяла его за руку и заглянула в глаза.

– Я не ждала этого письма, правда, – проговорила она, – но я все же прошу вас не спешить с решением. Я могу ошибаться, но мне кажется, он действительно способен оставить славу и традиции своего дома, чтобы принять нечто иное.

Айван выдохнул.

– Ты понимаешь, что у него есть все шансы на отцовский трон? Зачем ему Авелон?

– Что если он просто влюблен в меня? – тихо и нерешительно спросила Ленкара.

Король вдруг отшатнулся.

– Ты... спала с ним? – спросил он дрогнувшим голосом.

Ленкара выдохнула, стараясь не злиться, закрыла на миг глаза и тут же строго посмотрела на отца.

– Кого вы хотели оскорбить этим вопросом? Если его, то напрасно, он не из тех, кто не понимает смысла отказа, а если меня, то подобными сомнениями вы оскорбляете себя и весь наш род. Я не спала с ним, но я бы предпочла узнать его получше, прежде чем отвергнуть.

– Ты отказала половине принцев континента и почти всем сыновьям наших герцогов, чтобы узнавать получше варвара?! – вскрикнул Айван. – Ты в своем уме? Вот от Этого ты хочешь рожать моих потомков!?

– А от кого? – спросила Ленкара, откровенно злясь. – От бесхребетных младших принцев или от пресмыкающихся пред тобой герцогов? Тебе нужен безвольный и безропотный зять, который тихо будет сидеть в своих покоях, пока я буду править страной? От такого человека, по-вашему, я должна родить своего преемника?!

Она невольно повысила голос, спешно умолкая, опомнившись, но король все равно смеялся дочь взглядом, а потом заявил:

– Ты выйдешь замуж до конца года за того, кого выберу я! А это, – он вновь махнул письмом, – я отправлю Дешару Завоевателю. Не думаю, что он благословил ваш союз.

– Это подло!

Ленкара метнулась к отцу и попыталась отобрать письмо, но Айван тут же отвел его в сторону, ударив дочь по руке.

– Ты сделаешь то, что я тебе велю, а он получит свое, как изменник. Человек, готовый отказаться от всего что имеет, так же легко откажется от того что обретет, если захочет чего-то еще.

– Отец, послушайте...

– Хватит! Я слишком долго позволял тебе перебирать женихов, теперь же я не хочу знать твое мнение!

Не дожидаясь ответа, он спешно покинул кабинет, оставляя Ленкару одну, пока та с ужасом понимала, что ее волнует не собственная судьба, а участь безумца, рискнувшего попросить ее руки, несмотря ни на что.

Она еще не раз пыталась поговорить с отцом, но все было тщетно. Король считал, что его дочь просто сошла с ума, попав под дурное влияние эштарца и даже заверение ее лекарши о том, что наследница невинна как и прежде, не развеяли сомнений короля. Он по-прежнему был убежден, что дочь срочно должна выйти замуж за правильного благородного человека.

Именно поэтому уже через три дня после странного письма из Эштара, принцесса сидела в переговорном зале справа от отца и смотрела на Кэрола Леклота – младшего брата короля Сворта. Это был русоволосый мужчина средних лет, высокий, статный и до омерзения прилизанный. Одетый по последней моде, Кэрол казался Ленкаре попугаем, которому хотелось выдрать яркие вычурные перья. Украшений на нем было больше, чем Ленкара позволяла себе даже на торжественных приемах. Теперь же на ней и вовсе не было ничего, кроме серебряного украшения на лбу, своим узором выдававшего в ней наследницу. Мужчина же на каждом пальце носил по перстню. На его камзоле ярко-синего цвета красовалась драгоценная брошь в виде звезды, где в серебре сияли бриллианты, а подле нее располагались ордена. Ленкаре это казалось нелепым. Если уж мужчине хотелось показать свои награды, он должен был надеть адмиральский мундир, впрочем, борец с пиратами в Северном море едва ли мог называться адмиралом, почти не покидая порт близ Лаварского скального пика. Может быть, Кэрол Леклот и был хорошим стратегом, но бойцом он точно не был, к тому же шурился, разглядывая Ленкару, выдавая плохое зрение.

Видя все это, Ленкара с трудом заставляла себя не отворачиваться, понимая, что сказать ей нечего. Она его не выбирала и даже с трудом могла уважать. Он раздражал ее. Ей хотелось содрать с него награды, перстни и всадить брошь в виде звезды прямо в лоб, мол, там она была бы уместнее, но подобное поведение для нее было не позволительным.

– Я так рад, ваше высочество, что вы все же выбрали меня. Могу вас заверить...

Он попытался коснуться руки Ленкары, но та быстро убрала ее со стола, перебивая мужчину.

– Прошу вас, нет нужды меня ни в чем уверять.

Она встала, еще раз посмотрела на Леклота, думая, что отец совсем ее не уважает, если видит в роли ее мужа это недоразумение – богатое, прославленное, гордое и манерное, но недоразумение.

– Я хотела лишь поприветствовать вас, ибо хочу провести время до официальной помолвки в молитвах и уединении, дабы заручиться благословением Снежного Бога.

Жених спешно встал.

– Я надеялся, что вы уделите мне больше внимания, – проговорил он.

– Позже, сударь.

Она посмотрела на отца, с холодом окинувшего ее взглядом.

– Прошу меня простить, – прошептала она, присев в реверансе, затем кивнула Кэролу, заставила себя улыбнуться и вышла, постукивая каблуками.

Она не могла сказать, что околдована эштарцем, не могла сказать, что влюблена в Эеншарда, но его она помнила. Его взгляд она буквально видела, закрывая глаза, а Кэрола она хотела бы не видеть никогда.

* * *

– И как это понимать? – спросил Айван у дочери, закончив разговор с будущим зятем.

– Что же я сделала такого, что это нужно было бы как-то понимать? – спросила Ленкара. – Я поприветствовала лорда Леклота и удалилась, чтобы уединиться в молитве.

Она сидела в своих покоях в кресле возле камина и, не глядя на отца, наблюдала за пламенем, машинально перелистывая страницы книги.

– Ты оскорбила своего жениха, не удостоив его своим вниманием.

Принцесса посмотрела на короля.

– Если мое мнение не играет роли, то и в беседе я не нужна. Простите, отец, но до помолвки я действительно хочу побыть одна.

Вновь повернувшись к огню, она понимала, что попадает в путы печали и не может ничего изменить, даже если хотела.

– Ленкара, дочь моя, пойми...

– Почему Леклот? – вдруг перебила его принцесса. – Почему из всех вы выбрали Леклота?

Айван, наконец, сел на кресло подле дочери и ласково по-отечески коснулся ее руки.

– Лека, девочка моя, тебе нужен супруг. Ты давно достигла того возраста, когда выходят замуж, но до сих пор не обручена. Ты знаешь, что твоей маме было всего шестнадцать, когда мы обручились?

– Знаю, а еще знаю, что вас убеждали жениться на другой, потому что в ее доме рождались только девочки, – проговорила Ленкара.

– Да, и потому теперь у меня есть вы с Вив.

– А вам нужен был сын, которому вы выбрали бы невесту нарядную, как Кэрол Леклот.

Принцесса освободила руку, понимая, что Леклот действительно настоящая невестушка, упакованная в лучшую из оберток, только Ленкаре было тошно даже от оформления.

– Ленкара, прекрати. Ты хотела сильного умного мужчину, Леклот именно такой. Ему почти сорок, это единственный его недостаток, но тебе все равно стоит родить наследника до коронации, чтобы потом не тратить время на подобные хлопоты.

– Я понимаю, отец, – Ленкара выдохнула и прикрыла глаза. – Я все понимаю, но он противен мне.

– Противен?! – Айван вскочил. – Лека, ты в своем уме? Он королевского рода. Он защитник Северного моря и наш союзник. Образованный, воспитанный, благородный.

– И самовлюбленный, – прошипела Ленкара.

– Ты никогда не имела с ним дел! Ты даже не знаешь, о чем говоришь!

– Мне одного взгляда хватило...

– Тебе что нужен дикий мужлан?!

Этот внезапный вопрос заставил Ленкару вздрогнуть. Она буквально увидела спину Эеншарда, возникшего между ней и медведем, его руку, вцепившуюся в дикое животное и удержавшую того на месте.

Коснувшись пальцами своих губ, принцесса невольно вспомнила прикосновение и тот короткий поцелуй.

– Видел я Эеншарда однажды, – продолжил ее отец внезапно. – Здоровый, как медведь и грубый, как простолюдин. Зверь, а не принц!

– Неправда! – воскликнула Ленкара.

Она сама не поняла, что заставило ее вскочить и выронить книгу.

– Вы его не знаете, отец!

– Это ты его не знаешь. Не понимаю, как он внушил тебе доверие, но он обманул тебя. Веришь ты мне или нет, но ты выйдешь замуж за Кэрола Леклота и родишь через год мне внука! Айван ушел, не желая даже слушать свою дочь.

* * *

Ленкара плакала, просто плакала, завернувшись в шкуру белого тигра.

– Ну, Лека, Лекушка, Лекуля, – щебетала Вивьен, кружась вокруг сестры. – Не плачь. Ну, что ты плачешь? Он не молод – да, но он хорош собой.

Ленкара всхлипнула. Она уже много лет не позволяла себе слез, а тут разрыдалась и никак не могла успокоиться и, когда пыталась брать себя в руки, только сильнее начинала рыдать, уткнувшись носом в подушку. Вот и теперь она набрала полную грудь воздуха и, не отвечая, спряталась в шкуру с головой.

– Ну, Лека, папа же добра тебе желает.

Вивьен, красивая, юная, в норковой накидке на плечах, присела на постель сестры, коснулась ее плеча и молча предложила кружку с горячим кронтом.

Ленкара всхлипнула, но все же вынырнула из-под шкуры, чтобы взять любимый напиток. В детстве теплый кронт спасал ее от всего, да и теперь придавал сил. Сев, она позволила сестре вытереть слезы со своего лица.

– Неужели ты влюбилась? – спросила Вивьен. – Действительно влюбилась в того эштарца?!

– Нет, что ты такое говоришь? – спросила Ленкара, но на ее щеках появился едва различимый румянец смущения. – Я просто...

– Он тебе нравится? – Вивьен прижалась к сестре, с любопытством поглядывая на нее. – Ну, расскажи, что было? Как? Мне же интересно.

– Вив...

Ленкара отвернулась от сестры, делая пару глотков. Скрывать ей было нечего, но она почему-то сильно смущалась и совсем не хотела ничего рассказывать, не понимая, как она могла сама поцеловать этого мужчину.

«Он спас мне жизнь. Это была его награда», – убеждала она себя, но понимала, что радовалась скорее себя, чем эштарца.

– Ну, Лека, расскажи, а я тебе про графа Ливеля расскажу. Он скоро будет просить моей руки у отца.

Вивьен была откровенно счастлива и не пыталась это скрывать. Ленкара же, наоборот, насторожилась.

– Вив, тебе только четырнадцать!

– И что? Я же не замуж выхожу, а только обручаюсь, Олин готов ждать столько лет, сколько придется.

Девушка рассмеялась, отбросила от глаз выбившуюся из прически белую прядь, надула губы и приблизилась к сестре, чтобы шепотом проговорить:

– Мы с ним целовались... по-настоящему. – Она хихикнула, снова отстраняясь. – По-настоящему, понимаешь?

Ленкара уставилась на сестру, снова глотнула кронта и так же тихо спросила:

– Что значит «по-настоящему»?

– С языком. Глубоко. Неужели ты не знаешь?

Ленкара не знала. Она не видела, чтобы люди вот так целовались. Это было неприлично, а ее никто так не целовал, да и ей никогда не хотелось быть к кому-то настолько близко.

– А еще... Ты ведь никому не скажешь, да?

– Не скажу, – глухо отвечала Ленкара.

– Он трогал меня там.

Вивьен коротко коснулась низа живота над самым лобком, двинула рукой ниже, создавая складки на светлом платье, и тут же убрала руку.

– Это было очень приятно, – прошептала Вивьен сестре на ухо.

Только смущалась не Вивьен, а Ленкара, что, попытавшись представить прикосновение мужчины, увидела большие загорелые руки эштарца. Нервно сглотнув, наследница строго посмотрела на младшую сестру.

– Вив, ты не должна была позволять ему подобное.

– Почему? – спросила Вивьен с самым серьезным видом. – Я люблю его. Он любит меня. Отец одобрил наш брак и в будущем я стану его женой. Почему же я должна отказывать ему, если честь мою он обещал сохранить?

– Вив, честь не только в твоей невинности.

– Лека!

Вивьен выскочила, перебивая сестру.

– Ты хочешь, чтобы я как ты была старой девой? – спросила она. – Все нормальные принцессы в восемнадцать выходят замуж, тебе давно двадцать, а ты воротишь нос от адмирала и брата короля. Твоя честь в том, чтобы всех достойных разогнать?

– Вив, я хочу быть женщиной, а не королевой своему мужу, – простонала устало Ленкара. – Может быть, Леклот и неплох, но он в письме заверял отца, что будет мне повиноваться и ручки лобызать.

Вивьен расхохоталась.

– Ты дура, Лека! Ты хочешь быть замужем и не править им? Так не бывает. Если в этом мире и существует мужчина, способный, при твоей-то прыти, сделать тебя второй в союзе, он никогда не будет вторым в стране!

Ленкара сглотнула, улавливая логику сестры, понимая, что она права: ее желания абсурдны, но ей все же хотелось чувствовать себя просто хрупкой женщиной подле своего мужчины, а не монархом во время аудиенции.

А ведь в ее жизни был такой человек – младший сын герцога Уикнока – Линвенд. Она была влюблена в него, робела пред ним и чувствовала себя слабой, но Линвенд пал пред ней на колени и просил отпустить. Он понимал, что, если принцесса попросит, их помолвка состоится против его воли, но он любил другую. Тогда Ленкара нашла в себе силы, отпустила человека, в которого была влюблена, хотя ей было чуть больше, чем сейчас Вивьен. С тех пор она уже никого не любила.

– Зачем мужчине сильная женщина, если он не может быть с ней главным? – спрашивала Вивьен, явно стараясь в этот миг походить на старшую сестру. – И эштарец этот явно врет. В Эшtare женщин за людей-то не считают, а он будет служить тебе? Это смешно.

– Мне показалось, что он не счастлив там, – прошептала Ленкара несмело.

Она не могла объяснить своих ощущений, но точно знала: все, что говорят про Эштар, не распространялось на третьего принца. Он был другим.

– Ты помнишь историю принцессы Кимбель? – спросила внезапно Вивьен.

Ленкара содрогнулась, вспоминая о том, какая молва ходила о войне в Кордо.

– Это слухи, – прошептала она.

– Говорящие одно и то же? – удивилась младшая. – Отец прав: ты перестала мыслить здраво.

Ленкара же опускала глаза. Она помнила историю той маленькой принцессы, взятой в плен эштарцами. Молва гласила, что Эеншард раздел десятилетнюю девочку и взял силой перед своими воинами, а потом отдал ее им. И факты были против него. Он возглавлял полк,

стоявший там, и именно он привез убитому горем отцу истерзанное тело принцессы. Только Ленкара чувствовала, что Эеншард не мог этого сделать, хоть разум и говорил обратное. Не имея возможности привести хоть один разумный аргумент, она лишь тяжело вздохнула, признаваясь:

– Я все понимаю, но Леклот мне неприятен.

– А мне он показался неплохим собеседником.

Ленкара выдохнула, сжала двумя руками теплую кружку и сделала глоток, а после спросила, меняя тему:

– Ты уверена в графе Ливеле?

Сама Ленкара хорошо относилась к графу, уважала его и первой одобрила ухаживания графа по отношению к ее сестре, но внезапная откровенность Вив вызвала у принцессы сомнения, потому она хотела поговорить об этом с самой Вивьен.

– Конечно, я уверена в нем, Лека, – проговорила младшая, смеясь. – Я во всем уверена и очень счастлива, и желаю тебе такой же любви!

Ленкара заставила себя улыбнуться в ответ на пожелания сестры, хотя ей все еще хотелось плакать.

Глава 6. Испытание Бога Войны

Королевство Эштар, столица Эшхарат

Эншард лежал на полу темницы, игнорируя кровать в углу, просто потому что так было прохладнее.

Голову короля Фрета он не принес отцу через неделю, но ровно в срок к Дешару прилетел сокол с сообщением, что Крифр взят, обещанная голова упала в корзину и выехала с гонцом. Сам Эншард при этом, по обыкновению, не торопился возвращаться, задержался, чтобы укрепить новые границы и дожидаться отцовских наместников. Порой он мог больше полугода пропадать на захваченных землях, и никому до этого не было никакого дела, а в этот раз за ним приехали и арестовали, правда, не стали заковывать в цепи, а предоставили право мирно вернуться в Эшхарат, сдав разве что оружие.

Теперь же он лежал на каменном полу, смотрел в потолок и вспоминал Шардара. Это была своего рода традиция – вспоминать его в трудную минуту.

* * *

– Ну, вот зачем ты пошел к отцу? – спрашивал Шардар.

Эму тогда было только семь, а его правую бровь уже разрезал грубый шрам, застывший у самого века.

– Эймар сказал, что...

Эншард не договорил. Всклинув, он уткнулся носом в подушку, стараясь не завывать в голос. Эму было всего пять и он только учился быть мужчиной по-настоящему.

– Тише, не плачь, увидит еще кто – хуже будет, – шептал Шардар. – Потерпи, скоро станет лучше. Я тут кое-что припас для тебя, но...

Что это было за «но» обоим было и так очевидно, особенно Эншарду, что успел уже трижды отключиться от невыносимой боли до появления брата. Сегодня отец, разозлившись на младшего сына, трижды полоснул его кнутом. Для маленького мальчика это было слишком, потому Шардар и сидел теперь с ним, бережно и осторожно промывая кровавые раны, а затем дрожащей рукой наносил мазь.

Шардар боялся отцовского кнута и молился всем Богам, чтобы как можно дольше с ним не знакомиться, но, видя раны Эншарда, понимал, что лучше бы досталось ему самому, чем младшему.

– Я ведь не виноват, – вскрикнул Эншард.

– Ты всегда будешь виноват, – прошептал Шардар. – И не верь никогда Эймару. Он станет королем и убьет нас всех, а пока будет просто смеяться, только тихо, громко ржать – удел Шадифа.

Он помолчал, потом аккуратно убрал пряди черных волос от лица Эншарда и коснулся его лба.

– У тебя уже жар, я все же позову лекаря.

– Не уходи, – простонал Эншард, ловя руку Шардара. – Расскажи, почему я всегда буду виноват?

– Ты, правда, не знаешь?

Эншард отрицательно покачал головой.

Шардар вздохнул, оставил таз и прилег рядом с младшим на край кровати, чтобы хорошо видеть его лицо.

– Маму ты свою помнишь?

Эншард снова отрицательно покачал головой и всхлипнул. Мазь помогла, и боль утихла, но ему все еще хотелось плакать от досады, но он знал, что за слезу его могут наказать без малейшего снисхождения, вот и держался, как мог, громко сопя.

Шардар вздохнул, взял младшего брата за руку, чтобы немного подбодрить, и начал рассказывать:

– Я помню твою маму. Она была сильной женщиной. Когда отец пришел забрать тебя, она пыталась тебя не отдавать, кричала, брыкалась, кусалась, потому и умерла. Но она хотя бы боролась, а моя покорно ждет, что что-то изменится, а этого никогда не будет. Моя мать – в прошлом любимая наложница принца Шардара, старшего брата нашего с тобой отца, а твоя – и вовсе жена короля Эншарда Шестого, нашего с тобой деда. Мы с тобой просто трофеи с именами убитых нашим отцом родственников.

Эншард ничего не ответил, ему было очень дурно и все услышанное в детской голове просто не помещалось.

Это было страшно и почему-то гадко, хоть и непонятно.

Он тогда еще не знал, что пройдет одиннадцать лет, и Шардар, обернувшись, скажет: «Прощай», усмехнется в последний раз и от толчка стражника полетит вниз на песчаную арену, где уже рычали голодные львы.

* * *

Эншард вздохнул.

«Береги Артаса, – часто говорил ему Шардар при жизни. – Он слишком импульсивен, жалко будет, если такой талант исчезнет».

Шардар не знал, что потом у него будет куда больше младших братьев, не успел узнать, но Эншард понимал, что он просил бы его защищать всех младших, потому что ни отцу, ни старшим они не нужны, пусть даже и не были трофеями.

Глядя в потолок, Эншард в очередной раз думал, зачем тогда вообще нужно было сохранять им жизнь, лучше бы убивали в младенчестве. Один удар о стену – и нет проблемы, но тут же снова вспоминал Шардара, говорившего, что это не имеет смысла, главное подчинить, тогда победа будет полной.

Именно в этот миг, с противным скрежетом открылась металлическая дверь, и Эншард нехотя сел, чтобы посмотреть на вошедшего. Это оказался сам наследник Эймар.

– Какая честь, – усмехнулся Эншард, не вставая.

Старший брат посмотрел на него, как всегда – с нескрываемым презрением. Его карие глаза были светлее отцовских, и теплом своим напоминали цветочный мед. Во всем же остальном он был типичным эштарцем с черными вьющимися волосами и пышной бородой.

Наследник был высоким, худощавым, но жилистым. Эншард хорошо знал, что верить в удобу брата не стоит – он достаточно силен, чтобы отразить мощный удар и достаточно быстр, чтобы нанести свой быстрее противника. Единственным, кто действительно мог бросить ему вызов, был Артас, но он трагически погиб при атаке на Крифр. Конечно, был еще сам Эншард, никогда не участвовавший в турнирах и тренировочных боях. В детстве во время обучения, старший брат всегда побеждал его и смеялся, но с тех пор прошло почти двадцать лет. Большую часть этого времени Эншард провел в бою, а Эймар – во дворце, но взгляд наследника все равно не изменился. Он смотрел на брата так, словно только что отшлепал мальчишку тренировочным мечом и теперь ждет почестей.

– Тебе не кажется, что ты в том положении, когда стоит проявить максимальную почти-тельность? – спросил наследник.

Эншард просто пожал плечами, видя, как брат показательно положил руку на меч с гербом их семьи. Ему действительно ничего не казалось. Не зная, в чем вообще его обвиняют,

он даже не пытался догадаться о причинах своего ареста. Ему по-своему было даже комфортно сидеть здесь на полу и смотреть на высокомерного наследника как на дурака.

– Вижу, у тебя нет ни капли разума, – произнес Эймар снисходительно. – Хотя оно и к лучшему.

Он достал лист и развернул, показывая Эеншарду письмо, отправленное им королю Айвану в Авелон. Это немного проясняло ситуацию, но совершенно не пугало Эеншарда. Он посмотрел на бумагу, затем на брата и спросил:

– И что со мной будет?

– Отец хотел тебя обвинить в измене и казнить, как предателя, но тебе повезло, и я убедил его испытать тебя хранителями Бога Войны.

При всей серьезности и благодушии тона Эймара Эеншард едва не расхохотался от таких вестей. С трудом сдерживая смех, он криво улыбнулся и спросил:

– И когда испытание?

– Через два часа.

Тут уже Эеншард не выдержал и засмеялся.

– Спасибо, что предупредили, ваше высочество, – проговорил он с явной иронией сквозь смех.

Ему казалось даже символичным, что ему придется умереть той же смертью, что настигла Шардара.

– Ничего смешного! – рявкнул Эймар. – У тебя есть шанс выжить. Одно из трех львов я отравлю перед самой битвой, и он не протянет долго, двух других убивай сам.

– Что? – ошалело переспросил Эеншард. – Ты мне собрался помочь?

– Именно, шакал ты неблагодарный!

– Зачем? – не замечая оскорбления, спрашивал Эеншард, хмурясь.

– Ты нужен мне живым, но вот это, – Эймар взмахнул письмом, – настоящий позор, который отец тебе простит нескоро. Преклониться перед женщиной, проявить готовность отречься от семьи. Чем ты вообще думал?

– А чем в таких случаях думают? – прошипел Эеншард сквозь зубы.

– Оно и видно, что не головой!

Эймар хотел уйти, но Эеншард заговорил, внезапно вставая на ноги:

– Ты удостоишь меня ответом, если я спрошу?

– Попробуй.

Наследник обернулся, вновь закрывая тяжелую дверь.

– Откуда у тебя это письмо?

– Его прислал отцу получатель с гневным витиеватым рассуждением на тему, что ты – презренный шакал, дочери его не достойный.

Эеншард не дрогнул, внимательно наблюдая за довольным братом.

– Тогда у меня другой вопрос, куда исчезли мои карты и планы?

Эймар удивленно поднял брови.

– Не делай вид, что ты ничего не знаешь. Я оставил все бумаги на случай, если отец прикажет начинать наступление до моего возвращения, но они исчезли, а Артас не стал слушать моих генералов. Я почти уверен, что ты убедил его действовать по-своему, чтобы проявить себя.

Он сделал шаг к брату, невольно напрягая мышцы спины, превращаясь в оружие, готовое к битве.

– Воспользоваться амбициями Артаса, чтобы избавиться от него, а потом надавить на отцовскую гордость и убрать Эраста, чтобы претендентов на трон стало меньше. Тебе так не терпится стать единственным?

Он заглянул в медовые глаза с явным гневом, впервые в жизни осознав, что перерос старшего брата и заставил его сейчас задрать свой высокомерный острый нос.

– Жить, я смотрю, ты не хочешь, – вместо ответа процедил Эймар, а потом уверенно толкнул Эеншарда в грудь, только чтобы открыть дверь и выйти.

«Никогда не верь Эймару», – говорил Шардар и, кажется, во всем был прав.

Эеншард и не верил, понимая, что если наследник обманул его, надеясь на то, что Эеншард, расслабившись, проиграет – это неплохо, но слишком мелко для Эймара. Если же наследник действительно имел на него планы и хотел сохранить ему жизнь – это было явно недобрым знаком.

Битва за трон началась раньше срока, и в дворцовой тени, а не на арене.

* * *

Когда за Эеншардом пришла стража, он спокойно сидел на полу. Не задавая лишних вопросов, встал и вышел, следуя всем указаниям, но на выходе из темницы в последнем коридоре замер, когда к нему навстречу вышел Эмартан. Тот самый младший брат, что примчался к нему с дурными вестями в порт.

– Я хочу пожелать ему удачи, – сказал младший принц стражникам и беспрепятственно подошел к Эеншарду. – Ты можешь победить, я знаю.

Мальчишка обнял брата, привстав на носочки, а Эеншард, понимая, что ему хотят что-то сказать, наклонил голову.

– Я смог накормить одного из них, – едва слышно прошептал Эмартан и тут же отстранился. – Я верю в тебя, – сказал он громко.

– Спасибо, Эрт.

Выйдя на улицу под конвоем стражи, он услышал крик брата, брошенный ему вслед:

– Ты не можешь проиграть, Эеншард! – голос мальчишки надломился. – Ты права не имеешь!

Эеншард же, выходя на свет и поднимая глаза к яркому солнцу, слепящему его до боли, думал о другом. Ему просто хотелось знать, как же так вышло, что, не собираясь участвовать в борьбе за трон, он все равно оказался втянут в эту борьбу?

Проходя по городу, он старался не замечать взглядов прохожих, но все же радовался, что заковывать в цепи его не стали. Для воина с его опытом это было бы страшнейшим позором.

В храм Бога Войны он шагнул, на ходу стягивая рубашку и просто забрасывая ее на плечо. В этом не было никакой ритуальной значимости, просто он знал, что без нее драться будет удобнее.

Он не замечал толпу, собравшуюся в храме и у его дверей, не слышал, что говорили простолюдины и знать, он даже не слушал королевский указ.

Еще в детстве он научился просто выполнять поставленную задачу, не отвлекаясь на глупости. Сегодня его задачей было выжить любой ценой.

Стоя у самого края песчаной площадки на деревянном помосте, которым была закрыта лестница, он просто старался сосредоточиться на ощущениях собственного тела.

Арену уже опустили на уровень вниз. Львы рычали за решеткой. Эеншард мог бы их увидеть, если бы смотрел на них, но он смотрел на отца, понимая, что именно он здесь самый страшный лев.

Дешар Завоеватель восседал на бархатном ложе, установленном на противоположной стороне арены у самых ног огромной статуи Бога Войны. Король буквально опирался спиной на меч божества и гневно скалился, принимая взгляд провинившегося сына.

Видя это, Эеншард не мог не усмехнуться.

Какое ему было дело до формулировок, если отец приговорил его к смерти? Подобное едва ли можно было назвать испытанием, пройти его было невозможно. Легенды гласили, что один воин однажды это сделал, но Эеншард был уверен, что это была не чистая победа.

Одолеть троих львов? Для Эеншарда это была бы легкая задача, будь у него в руках оружие, а без него...

Эеншард сделал вдох, закрыл глаза и невольно вспомнил Шардара в тот день. Его гнев впервые не ударил в голову злобной мыслью, а разлился жаром в груди, вызывая внезапное приятное предвкушение настоящей схватки.

– Пусть заместники Бога Войны решат его участь, – объявил жрец.

На каменных стенах арены вспыхнуло пламя. Лязгнула решетка, и в затихшем зале послышалось львиное рычание.

Эеншард больше не думал ни о чем, открывая глаза. Только глянул коротко на стражника, который хотел его толкнуть, но, увидев глаза, а главное улыбку принца, быстро убрал руку.

Эеншард спрыгнул вниз сам. Рука машинально дернулась в сторону правого плеча за мечом. Это была уже привычка, часть боевого ритуала. В минуту опасности он всегда хотел выхватить меч, но сегодня меча не было, и рука тут же сжалась в кулак, а взгляд внимательно изучал львов, выходящих из темноты. Черные гривы заиграли переливами от бликов кровавых витражей и утихающего пламени, заставляя мужчину еще больше улыбаться.

Это будет действительно страшный бой.

Первый лев, выйдя, тут же зарычал. Его голодный свирепый взгляд говорил о многом. Эеншард без страха коротко рыкнул зверю в ответ, но не сдвинулся с места. Он просто застыл на полусогнутых ногах, продолжая оценивать врага. Второй лев странно мотнул головой, посмотрел на Эеншарда и криво оскалился, дернув ухом.

«Вот он!» – решил Эеншард, однозначно считая, что если отравленный и есть, то его надо выбивать первым, пока поведение зверя не стало подозрительным, каким бы ни был яд, чтобы никто, даже Эймар, не мог обвинить его в нечестном испытании.

Третий лев чуть ленился и скорее нехотя вышел на арену последним – явно подарок Эрта.

Этих львов с рождения кормили людьми, а значит, Эеншард был для них просто едой, а они для него – просто деталями сложного механизма, который нужно сломать; частью укрепления, за которым скрывалась нужная крепость и больше ничего.

Пару коротких мгновений до первой атаки, а Эеншард успел создать план битвы, продумать несколько вариантов развития и собственные реакции, заранее понимая, что по плану все равно ничего не может пойти с таким врагом.

Первым напал здоровый и голодный лев, это было очевидно, но Эеншард был уверен, что воевать с ним просто рано. Когда зверь бросился на него, принц быстро отскочил в сторону, мгновенно бросая рубашку в морду сытого льва, небрежно отмахиваясь от него, и подлетел к отравленному. Прыжок и тут же удар с малым замахом, но с максимальной силой, прямо в лоб заторможенного зверя.

Глухой удар кулака о череп повис в густой тишине зала.

Мгновение назад толпа что-то кричала, а тут вдруг стихла, наблюдая второй удар в ту же точку.

Что-то надломилось, и животное, не успев осознать что произошло, просто осело.

Второй удар занял слишком много времени. Если людей стоит убивать одним ударом, то львов и подавно.

Здоровый враг бросился на него снова, атакуя со спины, норовя вцепиться в плечо. Принцу не хватило бы времени, чтобы перестроиться, потому он спешно присел, опускаясь на одно колено.

Второй лев рычал слишком близко.

Клыки клацнули у самого уха, а лапы ударили спину. Всем своим весом лев навалился на Эеншарда, запуская когти в тело.

Стиснув зубы и не позволяя взведенным до предела инстинктам утихнуть, принц вцепился зверю в гриву, со всей силы прижимая его морду к своему плечу, а потом дернулся вперед, спешно перехватывая зверя за загривок. Он чуть не вскрикнул, когда львиные когти вспороли плечи, но не позволил себе медлить и перекинул льва через себя, буквально с кровью отрывая от себя хищника.

Лев отлетел и рухнул, зацепив своего ленивого товарища.

Эеншард же, чуть не рухнув следом, оттолкнулся от песчаного пола и вскочил на ноги, тяжело дыша.

Два льва, и он один. Звери, быстро оправившись, оба двинулись в бой. Даже сытый среагировал на запах крови.

– Беги! – крикнул кто-то взволнованно в темноте. Кажется, это был именно Эрт, или Эеншарду лишь казалось, что голос был его.

Он усмехнулся и действительно побежал, только не от львов, а им навстречу, уклоняясь чуть в сторону, огибая сытого льва, не успевшего среагировать на странное поведение жертвы. Принц скользнул по песку, тормозя и лоя зверя за гриву, и тут же запрыгнул на его спину, стараясь не думать о втором, успевшем развернуться.

Зверь под ним дернулся, встрепенулся, попытался сбросить. Эеншард опустил правую руку вниз, огибая по шее морду зверя и цепляясь пальцами в челюсть. Другой рукой он крепко сжал гриву на противоположной стороне и, напрягая все мышцы от плеч до самой поясницы, с громким хрустом свернул зверю шею, но тут же был сбит последним, самым опасным львом.

Хищник ударил Эеншарда в грудь двумя лапами и тут же вжал в песок, собираясь вцепиться зубами куда угодно, но принц подставил пасти правое предплечье. В бою эта часть руки обычно защищали наручи, а сейчас клыки вошли в обнаженную руку, брызгая кровью и слюной.

С глухим стоном, Эеншард вцепился в гриву льва свободной рукой, чтобы зверь не дернулся с куском добычи в зубах.

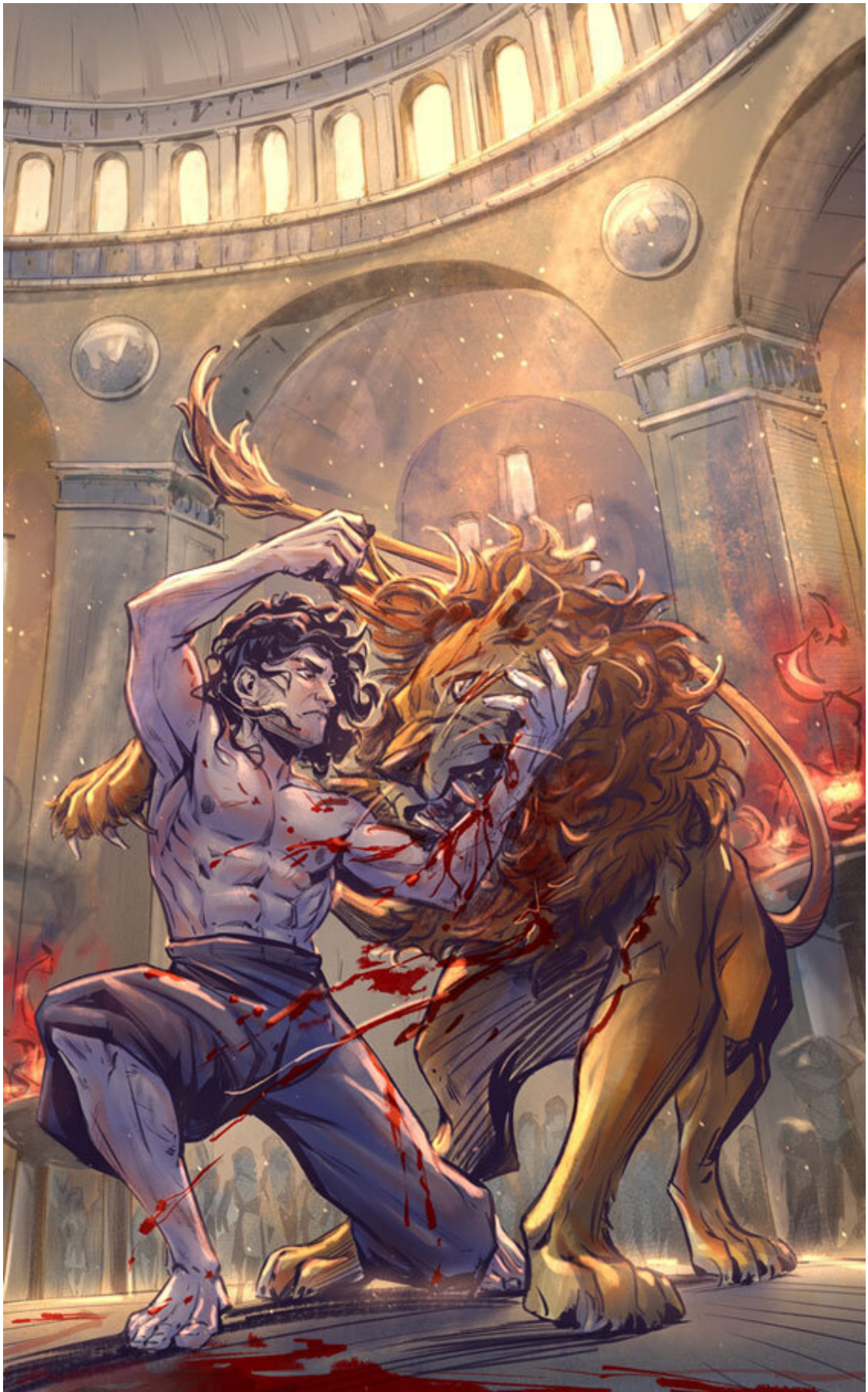
На долю секунды они застыли, глядя друг другу в глаза. Лев попытался дернуться, но Эеншард только сильнее потянул его на себя и резко ударил коленом в живот.

Лев тут же ответил, ударив человека когтистой лапой по правому боку.

Эеншард понимал, что проиграл. Ситуация была во всем против него, но что-то мешало сдаться. При полном отсутствии плана, с пустой головой, он зарычал в львиную морду, как такой же дикий зверь и сделал все что было в его силах: резко притянул к себе, пиная обеими ногами в живот, и вцепился зубами в щеку в углу приоткрытой пасти, тут же отрывая клочок мяса от злобного врага.

Животное дернулось, машинально разжимая пасть. Эеншард тут же освободил руку и, недолго думая, ударил льва двумя кулаками в оба виска.

Крик человека, подобный звериному рычанию, смешался с последним вздохом зверя.

Лев рухнул на Эеншарда, придавив его всем весом. Впрочем, третий принц и сам был достаточно крупным, чтобы даже такая туша не могла его раздавить.

Теперь он снова начал слышать голоса людей.

С большим трудом он сделал вдох, а потом стянул с себя зверя. Череп несчастного треснул и искривился, но человеку было все равно, главное – лев был мертв, а он еще жив.

Эеншард знал, что должен встать на ноги, чтобы испытание завершилось, а те не слушались. Когти оставили раны на груди. Глубокая рана на правом боку сочилась кровью так, что красная струйка, стекая по ноге, падала в песок.

Только гнев не утих, жар в груди становился только сильнее, потому он проклинал Бога Войны и рывком вставал, скалясь.

Крик толпы оказался ликованием.

Арена содрогнулась и начала подниматься.

Эеншард окинул взглядом людей и тут же повернулся в сторону отца, желая поскорее с этим покончить.

Дешар улыбался довольно, это было редким и дурным знаком. Обычно после его улыбки случалось что-то действительно страшное. Именно с этой улыбкой он дал Шардару кнут и велел ударить родную мать.

Только Эеншард не имел право об этом рассуждать. Вздохнув, он преклонил колени, как только арена под ногами перестала подниматься.

– Бог оправдал тебя, сын мой, – провозгласил Дешар.

Это обращение сильно ударило по сознанию, никогда прежде король не называл Эеншарда сыном, а теперь словно старался показать всем, что именно его отпрыск смог пройти испытание Бога.

Это было противно, но это был конец игры.

Король встал, давая понять, что представление окончено, а Эеншард позволял себе закрыть глаза и неспешно опуститься на кровавый песок, чтобы, раскинув руки, болезненно и сладко вздохнуть.

Глава 7. Между севером и югом

Королевство Авелон, столица Авар

Ленкара никому не могла объяснить, что ее тревожит, кроме разве что Снежного Бога. Потому она сидела в храме у самых ног божественной фигуры. Не поднимая глаз, она касалась каменной статуи, отмечая голубоватые проблески, волной возникающие от каждого ее касания.

Она знала, что Бог услышит ее. Бог всегда слышал, но что он мог сделать теперь? Умолять Снежного Бога защитить человека на другом конце света, там, где жар солнца обжигает кожу, ей казалось глупым. Ей было совестно и откровенно стыдно за своего отца, так неблагодарно отплатившего за спасение ее жизни.

Принцесса умоляла короля вернуть письмо, пока тот не признался, что уже отправил его и теперь надеется, что клятва крови погубит наглеца. У Ленкары же все содрогнулось в груди. Она не знала всех тонкостей эштарских традиций, но была знакома с клятвой крови, присягой на верность королю, после которой любое неповиновение могло стать причиной смерти. Ей казалось, что Дешар Завоеватель не мог дать свое благословение на их союз. Да и какой мог быть союз между авелонской принцессой и эштарским принцем? Они были слишком разными.

Ленкара гнала прочь все мысли, все сомнения, но все равно отправила в Эштар гонца с письмом. Ей хотелось предупредить своего спасителя и попросить прощения. Гонец не вернулся. Новостей не было, хотя Фрет уже пал. Ей оставалось только сидеть у ног Снежного Бога и надеяться на чудо.

– Ваше высочество, – обратился к ней внезапно мужской голос.

Девушка вздрогнула и обернулась. В зале на почтительном расстоянии застыл ее жених, Кэрол Леклот, в белоснежном форме адмирала, поверх которой был наброшен плащ с меховым воротником.

Ленкара поднялась, поспешно придавая своему встревоженно-взволнованному состоянию пристойный вид.

– Милорд, что заставило вас прийти сюда? – спросила она мягко.

– Я уезжаю, позвольте мне поговорить с вами, прежде чем я вернусь домой.

Ленкара удивленно посмотрела на мужчину, приближаясь.

– Домой? Разве вы сможете вернуться к назначенной помолвке?

– Нет, ваше высочество, потому я и пришел поговорить с вами.

Ленкара сделала еще шаг, и мужчина несмело коснулся ее руки.

– Вы плакали? – спросил он очень тихо.

Лека испуганно выхватила руку и коснулась своего лица. На ее щеках были мокрые борозды слез. Она даже не заметила, как заплакала на пике отчаяния, а теперь сгорала от стыда, вытирая щеки.

– Простите, я не должен был задавать подобных вопросов. Держите.

Мужчина протянул ей платок, пахнувший цветочными духами. Свежий запах Ленкаре понравился, и она спешно вытерла лицо и мокрые ресницы, а потом все же взглянула на мужчину, прижимая к груди кружевной платок. Она не знала, что говорить и как теперь вести себя.

Кэрол же, заметив замешательство принцессы, заговорил сам:

– Позвольте мне объясниться, владычица Ленкара.

Она кивнула, и мужчина снова взял ее за руку уверенней прежнего и приблизился. Теперь он был слишком близко и пристально смотрел принцессе в глаза, не позволяя тем самым ей ускользнуть.

– Я понимаю, вы переживаете, – заговорил он. – Быть может, я совсем не тот супруг, о котором вы мечтали, но я клянусь быть добрым мужем.

Он говорил, а она понимала, что он весь пах этими цветочными духами, и приятный запах тут же показался ей противным. Этот аромат подошел бы Вивьен, но никак не адмиралу.

– Я убедил вашего отца, – продолжал мужчина, – отложить помолвку на три месяца, сославшись на активность пиратов. Мои люди справились бы и без меня, но я должен дать вам время принять наше общее будущее.

Ленкара невольно вздохнула, глядя на мужчину. Это была еще не свадьба, а только помолвка, но ей уже было тошно, даже сейчас, когда она стояла с этим человеком рядом.

Мужчина поцеловал ее руку и тут же накрыл тонкую ладонь своей, ласково поглаживая кожу.

– Я буду писать вам все это время и буду несказанно рад, если вы почтите меня своим визитом в замок Лирию. Это мой дом, и он всегда открыт для вас.

– Благодарю, – глухо ответила Ленкара.

– Вы будете отвечать на мои письма? – спросил мужчина, вновь целуя ее руку.

– Разумеется, милорд.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ваши ответы были искренними, – шептал мужчина. – Я буду ждать новой встречи с вами, дева Лен дер-Валь.

Ленкара все же улыбнулась. Как бы там ни было, а она была благодарна этому человеку за отсрочку, которую он даровал ей.

* * *

Королевство Эштар, столица Эшхарат

Эншард не знал о тревогах северной принцессы. С арены его забрали верные товарищи. Раны на правом боку пришлось прижигать, а Эншард не любил подобных процедур, как не любил и врачей, но шутки с ранами в этом месте были опасными. Принц своими глазами видел, как сильные воины просто истекали кровью от самых незначительных ран.

Сил спорить у него не было. Потому он позволил перебинтовать все раны и только потом направился в свои покои в северном крыле.

– Все потом, – сказал он Эрву, своему другу и боевому товарищу.

– Все завтра, – ответил он генералу Мэдре, отцу Эрва.

Когда-то Мэдре был наставником Эншарда. Он стал первым, кто заметил в мальчике талант еще в день инициации и, минуя короля, пришел к принцу, чтобы спросить, хочет ли тот научиться сражаться по-настоящему. Тогда одиннадцатилетний Эншард ответил «да», еще не понимая, что это значит, просто его действительно радовала схватка, радовала дрожь волнения при этом, ходящая по телу. Ему даже нравилась боль уставших мышц, она была приятным послевкусием побед и уж точно не могла сравниться со следами от кнута.

Теперь же Мэдре был его подчиненным, его доверенным лицом и просто человеком, перед которым Эншард мог не скрывать свою усталость.

– Завтра, – коротко сказал он, потрепав волосы Эрта, с восторгом смотрящего на старшего брата.

Только уходя, Эншард все же обернулся и посмотрел на это странное трио из мужчин разных возрастов и напомним:

– Вы обещали мне все рассказать о смерти Артаса.

– И Эраста, – машинально добавил Эрт.

Третий принц кивнул, ему, увы, было все понятно про Эраста, с Артасом же было немало вопросов. У него был и опыт, и навыки, и способности, не идеальные, но достаточные, чтобы не умирать так глупо, как умер он.

– Завтра жду вас у себя, а пока я хочу отдохнуть, – заключил Эншард.

Он не врал. Ему впервые было тошно от победы. Он вспоминал Шардара, там, на арене, вспоминал, как отец приказывал ему смотреть, а главное понимал, что во многом его брат выиграл, приняв свою смерть. Он так и остался единственным свободным в этой семье, свободным, но мертвым. А сам Эеншард теперь был живым, но чувствовал себя сломленным. Казалось бы, он совершил невозможное, для народа он теперь герой, полностью оправданный самим Богом, но сам принц чувствовал себя униженным и оскорбленным.

Он рухнул в кресло в своем кабинете, чисто убранном и совершенно пустом. Тут не было книг на полках, не было бумаг и записей, даже чернильницы на столе не было, просто потому что Эеншард никогда не пользовался кабинетом, проводя почти все время вне дворца.

Он мог говорить здесь с кем-то, выпить с Эрвом, порою к ним присоединялся Артас. Бумаги Эеншард всегда хранил в походной сумке. Личной переписки не вел. Политикой не занимался, а все его военные соображения хранились на разных базах: в фортах и крепостях. В случае надобности принц мог просто прибыть в форт и за пару минут по своим же заметкам вспомнить все о местности, складах и должном вооружении. Уточнив детали, он мог уже через пару минут возглавить атаку или оборону. Так уже было однажды, при восстании в захваченном городе Люнд. Повстанцы смогли отвоевать свой город, но принц, прибывший в ближайшую крепость, по приказу короля покончил с восстанием за пару дней, даже не разрушив город. Мэдре назвал это достижением. В то время как Эймар обвинял брата в больших потерях.

– Ваше высочество, – обратился к Эеншарду слуга, которого раненый воин упорно не замечал.

Занятый спутанными мыслями и чувствами, принц с удивлением уставился на мальчишку. Кто служил при дворе в северном крыле, Эеншард толком не знал, слишком редко он был здесь, к тому же у него был Артас, с которым они это крыло делили.

– Чего? – спросил принц, хмурясь от нежелания сейчас что-то делать или решать.

Мальчик сглотнул, явно испугавшись.

– Вы просили не беспокоить, но у нас уже три дня гонец из Авелона с посланием, которое велено отдать вам лично в руки, – робко проговорил мальчишка.

– Где?!

Эеншард сразу переменялся в лице, вскочил на ноги, забывая об усталости.

– Ко мне его, сейчас же!

Он сразу хотел заявить, что ему должны были доложить раньше, но тут же понял, что раньше никто и не мог бы ему ничего сообщить.

Сердце его тут же начало биться чаще. Даже боль свежих ран показалась ничтожной от одной мысли, что это могла быть сама Ленкара, не согласная с решением отца.

Когда в кабинет вошел русоволосый мальчик, Эеншард внимательно посмотрел на него. Ребенка в виде гонца он никак не ожидал увидеть.

– Ты кто? – машинально спросил принц, присаживаясь на край стола.

– Меня зовут Икар, – проговорил мальчик тихо, с явным ужасом глядя на полуобнаженного принца в кровавых бинтах.

Сложив руки у груди, Эеншард внимательно смотрел на мальчишку.

– И ты из Авелона? – с недоверием спросил он.

– Да, – мальчик кивнул, а потом, опомнившись, быстро заговорил: – Нет, вы не подумайте, я не один прибыл сюда. Мы с отцом приехали по приказу принцессы, и так как у вас подобными поручениями занимаются мальчишки, а не взрослые, то...

Он запнулся, глядя на принца. У него откровенно задрожали коленки при виде этого мужчины, так странно смотрящего на него. Мальчику казалось, что он сказал слишком много и говорил слишком долго, поэтому, чтобы хоть немного загладить свою неучтивость, он, крепко сжав челюсти, достал из потайного кармана рубашки конверт и быстро протянул принцу, больше ничего не говоря.

Эншард тоже не стал задавать вопросов, принимая этот конверт.

На бумаге была печать из голубого воска, на которой изображался олень, в рогах которого запутался туман, изображенный узорами, подобными морозной росписи на стекле. Это была печать Лен дер-Валей.

Сердце у принца замерло. Быстро сломав печать, он вскрыл конверт и уставился на красивые изящные буквы с множеством завитков. Минуту он просто смотрел на бесконечные округлые крючки и завитушки, видя в этом узоры, а не буквы – слишком уж это было красиво; а потом, хмурясь в попытке сосредоточиться, начал читать:

«Мой дорогой спаситель, Эншард Клен Дерва, прошу простить вас за спешность моего письма. Если оно покажется вам чрезмерно вольным, не считите это наглостью, просто я слишком взволнованно и торопливо пишу эти строки.

Признаюсь, я не ждала от вас письма и отнеслась непозволительно небрежно к вашим словам о нашем возможном союзе. Мне казалось, вы просто забудете обо мне, простите меня за это. Я должна была предупредить вас, что мой отец не самого лучшего мнения о вашем народе и лично о вас. Я же не сделала этого, и теперь он отправил ваше письмо назад в Эштар, вашему батюшке. Я очень надеюсь, что вы получите мое послание прежде, чем ваш отец узнает о вашем намерении, ведь случившееся – моя вина.

Более того, я просто обязана вам сообщить, что выхожу замуж за Кэрола Леклота из Сворта. Простите меня и за это.

Я буду молиться за вас Снежному Богу, кто знает, быть может, он дружен с Богом Войны, и тот сбережет вас.

Простите мою неблагодарность, простите Авелон за его холодный прием и прощайте, только знайте, что мои молитвы отныне навсегда с вами.

Вечно обязанная вам, Ленкара Эйен Лен дер-Валь».

Эншард долго смотрел на письмо, перечитывал, снова просто смотрел на буквы, снова читал, медленно осознавая смысл. Сначала его опьянил сам факт существования этого письма, потом в голову ударило понимание, что это письмо было прощальным, но короткая вспышка гнева мгновенно сменилась тихой печалью и, выдыхая, принц принимал, что им просто не быть вместе, даже если ее молитвы действительно будут с ним навсегда.

Он опустил письмо и посмотрел на мальчика, дрожащего от страха.

– Не бойся, – прошептал ему Эншард.

Он бросил письмо на стол, обошел его и сел на край, быстро осмотрев пустоту своего рабочего стола.

– А где твой отец? – спросил он у мальчика.

– В трактире возле порта, ждет меня. Вы будете передавать ответ?

Эншард машинально кивнул, не глядя на ребенка, а потом резко стукнул кулаком по столу.

Авелонский мальчик буквально подпрыгнул, испугавшись, и чуть не рухнул на пол от ужаса, но дверь внезапно открылась, и в комнате появился местный невозмутимый мальчишка-слуга.

– Бумагу мне и чернила, – заговорил принц командным басом. – И узнай, когда из порта уходит ближайший корабль в Авелон.

– Его высочество принц Эймар, – начал было слуга, но Эншард перебил его:

– Ты кому служишь, щенок? Эймару? Если да, то пошел вон, а если нет – делай то, что тебе велено! И не зли меня!

Слуга, впервые слышавший подобное от своего господина, только кивнул. Обычно упоминание отца или старшего брата пробуждали в Эншарде благоразумную осторожность, но сегодня все было не так. Ему было плевать на распоряжение и брата, и отца, он должен был отправить гонцов как можно раньше домой, пока о них никто не узнал.

Когда слуга вышел, принц обратился к мальчику.

– Я передам принцессе свой ответ, но вы сразу покинете страну и, разумеется, мой ответ нужно передать ей лично в руки, ясно?

Мальчик кивнул.

– Жди здесь.

Ничего не объясняя, Эеншард открыл маленькую тайную дверцу и выскользнул в другую комнату, а из нее в третью. Сейчас его интересовали трофейные драгоценности. По закону, за каждый взятый город ему полагалась часть захваченных сокровищ.

Свою долю Эеншард обычно забирал женскими украшениями, чтобы так уделить внимание женщинам своего гарема. Они же терпели своего вечно отсутствующего мужчину. Впрочем, у них не было выбора, точно так же, как не было его у Эеншарда. Каждую из его наложниц ему просто подарили. Собственные отцы отдавали их в надежные руки, превращая красивую дочь в подношение. Третий принц принимал и, чаще всего, забывал о подарке, изредка проводя с кем-нибудь из них ночь. Он даже не помнил их лиц и имен, и украшения обычно дарил невпопад, вываливая блестящую жменю всякой глупости в подставленные ладошки. Наложницы радовались, менялись подарками, а принц считал, что хоть частично выполнил свой долг и снова исчезал на очередной войне.

Теперь же он открыл сундук, стараясь найти шкатулку, особую шкатулку из белого дерева с резными узорами, а главное – с особым содержимым. Эта шкатулка не была трофеем, он купил ее и закинул к награбленному, чтобы просто не потерять. Теперь же, достав ее, он вновь открыл, чтобы еще раз взглянуть на серебряную подвеску с большим ярко-синим сапфиром в виде капли.

Принцу показалось, что эта вещица непременно подошла бы принцессе Авелона. Она напоминала ему ее – холодную и строгую, как серебро, с глазами синими, как этот сапфир. Оно было похоже на снежное видение по имени Ленкара.

Захлопнув шкатулку, эштарский принц небрежно прикрыл сундук и быстро вернулся в кабинет.

Икар неподвижно стоял на месте. На столе уже успели появиться письменные принадлежности, но мальчика-слуги не было, а значит, он еще не разузнал, когда ближайший корабль.

Эеншард сел, еще раз прочел письмо, заглянул в шкатулку, сглотнул, понимая, что в животе что-то противно сжимается от страха и волнения и, не давая себе опомниться, начал писать.

Сначала он писал о своих чувствах, вернее пытался написать, но после третьей строчки разорвал лист. Затем он попытался написать о том, что прощает ее, но и эта мысль ему не далась. Он пытался рассказать ей о мыслях, о чувствах, о том что ему жаль, о том что ему нужны, или не нужны ее молитвы. Он сам не знал, что именно хотел сказать Ленкаре, о которой не смог забыть ни на минуту. Он был занят другими делами, но она неизменно была в его сознании, как едва уловимый образ, словно божество с мягкой улыбкой, поглядывающее на него.

Вот только она выходила замуж за другого!

Порвав очередное письмо, он взял чистый лист и написал только одну фразу: «Примите это на память обо мне».

Сложив лист, без подписи, печатей и имен, он закрыл шкатулку и подал ее мальчику.

– Лично в руки принцессе, – напомнил он, зная, что он сам проводит мальчишку и его отца на корабль, чтобы никто не посмел им помешать.

* * *

Только в порту на закате Эеншард внезапно понял, что почти достиг своего предела. Когда корабль с гонцами снялся с якоря, принц устало оперся на ящик, стоявший рядом. Все действительно закончилось, и его охватила волна слабости. С большим трудом делая вдох, он буквально уговаривал свое тело продержаться еще немного, но в глазах упорно темнело.

«Не смей», – говорил он самому себе.

Неважно, каковы причины, но сын короля не имеет права рухнуть без сознания. Он может только умереть, всего остального ему не простят, особенно если он – главнокомандующий Эеншард.

– Да ты, я смотрю, решил всем показать, что еще повоюешь! – раздался внезапно голос рядом.

Мэдре, а это был именно он, быстро и своевольно, на правах бывшего наставника, подошел к принцу и подхватил под руку.

– Что вы уставились?! – спросил он у толпы. – Хотите, чтобы он и от вас откусил кусочек?

Чтобы явно подтвердить свою угрозу, мужчина быстро протянул вперед руку и попытался ущипнуть одну из любопытных дам за нос.

Та взвизгнула и отпрыгнула, как перепуганная горная козочка.

– Вот именно. Давайте расступитесь! – поторапливал их мужчина, отводя смертельно бледного принца в сторону. – Ты с ума сошел? Что ты здесь делаешь? – тихо спросил мужчина. – Ты должен быть в постели или хотя бы в своих покоях.

Эеншард не ответил, понимая, что к слабости начинает добавляться тяжесть в груди и тошнота.

Генерал, спрятав его под куском какой-то материи, буквально запихнул в экипаж, шутя, что его друг смертельно пьян и всучил принцу флягу с водой.

– Пей, безумец! – буквально приказал мужчина.

Эеншард, как хороший ученик, подчинился почти машинально. Он потерял больше крови, чем ему казалось, да и повязка на правом боку была уже мокрой. Жара. Усталость. Волнение, как никогда яркое. И вот он уже окончательно без сил, впрочем, вода и отсутствие необходимости уверенно держаться на ногах принесли ему облегчение. В глазах прояснилось. Голова стала ясной, только в ослабевших ногах принц все еще был не уверен.

– Зачем ты вышел?

– Было нужно, – только и ответил Эеншард, с жадностью опустошив флягу.

Он только теперь понял, что у него пересохли губы, заныли сломанные ребра и просто болели раны. Он забыл о собственном теле, пока был занят последней ниточкой, связывающей его с северной принцессой, а теперь все это обрушивалось на него вновь.

Убедившись, что фляга действительно пуста, Эеншард коротко вздохнул и, понимая, что просить еще в данный момент просто бесполезно, спросил:

– Куда мы едем?

– Сам подумай, – улыбнулся мужчина. – В госпиталь. Пока Шанрех не посмотрит тебя, я не буду спокоен, особенно сейчас.

Эеншард кивнул, понимая разницу между придворным врачом и их товарищем Шанрехом, который, правда, и без них имел немало забот.

Шанрех, разумеется, был недоволен работой коллеги, долго возился с раной на боку, что-то с чем-то сшивая под ворчание Эеншарда, а после, наложив еще пару швов на рваные раны на спине, разрешил принцу выпить рому. Так лечение медленно перешло в откровенную пьянку с ранеными солдатами, счастливыми оттого, что их командир жив.

Только ночью Эеншард вернулся во дворец, пьяный, несчастный, но живой и просто рухнул в постель, не раздеваясь, чтобы тут же громко захрапеть так, чтобы все северное крыло знало, что Эеншард дома.

Глава 8. Невидимые цепи

Утром третий принц встал с дикой головной болью. Разумеется, он списал ее на похмелье, словно кроме выпивки за предыдущий день с ним ничего не случилось. К счастью, кроме боли в голове, по-настоящему его ничего не беспокоило. Раны, конечно, болели, но эта боль была уже привычной. Главной для Эеншарда была сейчас способность уверенно держаться на ногах и никому не показывать собственных ран.

Вчера, он хоть и был пьян, но все же выслушал рассказ Мэдре о первой провальной атаке столицы Фрета.

Артас не стал даже искать записи старшего брата, утверждая, что Эеншард нагло дезертировал в неизвестном направлении. Почему Артас был в этом уверен, никто не знал. Его вспыльчивый брат очень хотел сделать все сам, доказать всем, что он ничуть не хуже третьего принца. Конечно, Артас должен был понимать, что борьба за трон уже близка, но как же он не понял, что она уже началась? Почему-то не понял, не догадался, поверил, видимо, Эймару, хотя тоже не раз слышал, что верить наследнику нельзя.

Артас сам сжег все бумаги генералов при осаде Крифра, так их и не посмотрев, а потом погиб, причем смертельный удар настиг принца со спины.

Не мог Артас пропустить врага, просто не мог, а значит, его убил кто-то из своих, но кто и почему? Хотя Эеншард понимал, что кроме Эймара это никто не смог бы организовать.

С Эрастом же все было куда проще. Он молод, неопытен и ему просто не повезло. Когда защитники Крифра открыли огонь из катапульта, испуганный конь, отпрыгнув от огненного снаряда, опрокинулся, превратив ногу принца в откровенное месиво, которое к вечеру посерело и раздулось. Объяснять Эеншарду, почему его брату в итоге отрезали эту раненую ногу, не было нужды. Он и без врачей знал, что при таких проблемах его брат просто умер бы там, в лагере на территории Фрета среди сотен эштарских солдат, погибших во время этой атаки.

Одного не понимал Эеншард: почему Эймар оказался на линии огня. Артас просто не мог отправить его туда. Он любил брата и не стал бы рисковать его головой без особой нужды.

Что-то странное произошло тогда под Крифром в его отсутствие, но он не мог понять что, просто потому что не мог поговорить ни с Артасом, ни с Эрастом. Зато ничто не мешало ему подняться в большой зал северного крыла. Это было их тайное место в далеком детстве. Еще мальчишками они с Шардаром выпросили эту большую комнату, чтобы превратить ее в карту. Начав вдвоем, они позже привлекли к работе Артаса, и уже втроем завершили свою главную залу.

Зайдя сюда, Эеншард замер у двери. Он не был здесь давно, но не мог без волнения пройти по раскрашенному полу. Краска местами потрескалась, кое-где облупилась, но синие моря и океаны все равно остались синими.

Мужчина прошагал от севера к югу, минуя Авелон, и замер на Белом море, глядя на раскрашенный рельеф континента. Эшхарат обозначался одной белой башней на берегу, за ним гора Ликаст, успевшая треснуть. За ней зеленые долины, потом снова горы, раскрашенные белым. Север.

Осмотрев континент, он тут же сел на пол, поднимая с пола маленький деревянный фрегат с шелковыми парусами.

Когда-то давно они с Шардаром устраивали здесь настоящие битвы, используя различные обозначения. Где-то все еще хранился целый сундук из деревянных кораблей, башен, коней, катапульта и солдат, но это был особый корабль. Его сделал сам Шардар специально для Артаса. Когда его трехлетним мальчишкой забрали от матери, он все время плакал. Чтобы его хоть немного утешить, Шардар вырезал из дерева этот корабль и даже украл где-то кусок расписанного алым узором белого шелка для парусов. За этот лоскут ткани его явно выпороли, но

старший так ни в чем и не признался даже Эеншарду, зато улыбался, когда маленький мальчик, взяв кораблик, огромными глазами стал рассматривать мачты и паруса.

Наверно, еще тогда в Артасе зародилась любовь к флоту и морю.

Эеншард горько улыбнулся и прикрыл глаза.

* * *

Зайдя в комнату, Эеншард замер, глядя на младшего брата.

Девятилетний Артас сидел на полу, держа в руках резной фрегат и глядя сквозь его мачты на башню по имени Эшхарат, беззвучно плакал.

– Я уезжаю на фронт, – коротко сообщил Эеншард. – Отец дал свое разрешение.

Артас всхлипнул, поставил корабль на пол, словно возвращая его в порт Эшхарата, медленно встал и посмотрел на Эеншарда большими мокрыми от слез глазами.

– Ты бросаешь меня? – спросил он.

– Нет, просто...

Эеншард не мог сказать, что после смерти Шардара не может ни на минуту здесь оставаться, что его трясет от гнева и боли, что если он не уедет прямо сейчас, то станет следующим, кто просто умрет. Артас же был слишком мал. Он просто отвернулся.

– Уезжай, – сказал он, зная, что где-то там уже подрастает его младший брат, Эраст.

Скоро его заберут у матери, и он окажется здесь, в опустевшем северном крыле.

* * *

Эеншард смотрел на корабль, на башню и понимал, что, бросив тогда Артаса, навсегда потерял прежнее доверие.

– Ваше высочество, – с опаской обратился к Эеншарду мальчик-слуга, тихо вошедший в комнату.

Ребенок явно понимал, что уже надоел своему господину, что много раз настоятельно просил его не беспокоить, но ничего не мог изменить, с волнением наблюдая, как Эеншард неспешно поднимает на него глаза.

Вместо позволительного жеста принц просто уставился на слугу, и мальчик, помедлив, все же сообщил:

– Его Величество желает видеть вас.

Эеншард выдохнул. Он надеялся, что это произойдет не так быстро, и король даст ему хоть небольшую передышку, прежде чем начнет очередную свою игру.

– Иду, – коротко ответил Эеншард, возвращая корабль на место.

Этот фрегат просто обязан был стоять у нарисованного берега близ Эшхарата.

Третий принц решил не думать и не пытаться понять, что от него могут хотеть. Тут он еще ни разу не смог угадать, потому уже и не пытался, только, заскочив к себе, натянул на забинтованный торс рубаху без рукавов, оставляя открытым лишь повязку на раненой правой руке, быстро завязал кожаный пояс, повесил меч и направился в тронный зал. Разумеется, он не носил свой любимый двуручник во дворце. Оружие при нем сейчас было лишь символом. Хорошо заточенный короткий клинок вполне мог убить, но для Эеншарда он все равно был настоящей игрушкой, соломинкой, которой после ужина можно было поковырять в зубах. Слишком короткий. Слишком легкий. Одним словом: глупое оружие, которое он просто обязан был носить на поясе во дворце Эшхарата.

Быстро перейдя из северного крыла в южное, мужчина шагнул в тронный зал, мгновенно по отцовской улыбке понимая, что ему приготовили что-то мерзкое. Впрочем, мерзко будет Эеншарду, а вот Шадифа и самого Дешара это наверняка позабавит.

Подойдя на соответствующее расстояние, Эеншард замер, бегло оглядывая зал. Шадифа не было, только Эймар стоял подле отца, а чуть в стороне стоял Оэкар Шад, улыбаясь также странно.

Семья Шад имела немалое влияние на короля, и на наследника тоже, в конце концов, имя ему Эймар Шад Клен Дерва, потому что его мать – дочь благородного эштарского воина, а имя матери Эеншарда значения не имело, кем бы она ни была.

– Я смотрю, ты в добром здравии, Эеншард, – заговорил Дешар, все так же улыбаясь.

Его сухие костлявые пальцы сцепились в замок, демонстрируя древние перстни разных семей в виде трофеев, попавшие к королю.

Глядя на сапфир, не так давно бывший гордостью Зейлена Светлого, правителя павшего Фрета, Эеншард невольно нахмурился, но, поднимая глаза, проговорил:

– Разумеется, я в добром здравии, отец, иначе быть просто не могло.

Дешар расхохотался.

– Слышал? – обратился правитель к Оэкару. – Не могло!

Оэкар только сдержанно улыбнулся, кивая, а потом искоса поглядывая на третьего принца.

Только теперь Эеншард понял, что за спиной мужчины пряталась юная девушка, закрытая тканью.

«Снова», – подумал устало Эеншард, не догадываясь, каким был новый подарок.

– Мне нравится твоя смелость, – произнес, наконец, Дешар. – И мужество твое достойно уважения.

«Уважения?», – от этого слова из уст отца у Эеншарда по спине прошли мурашки. Это было слишком внезапно, слишком подозрительно, чтобы все внутри не напряглось, не натянулось в единую струну и не замерло.

Он невольно посмотрел на старшего брата. Взгляд Эймара не изменился. Он все еще смотрел свысока, пряча усмешку в черной бороде. Его явно не смущали добрые слова отца, словно того и хотел сам Эймар, а это пугало еще больше.

– Я хочу наградить тебя за падение Крифра, – заявил король, заставляя Эеншарда уже не дышать от нервного напряжения.

Глядя на отца, Эеншард старался понять, почему король так противно улыбается, пронося эту банальную уже фразу, и не понимал.

Оэкар отступил, подталкивая вперед девушку и тут же стягивая с нее белое полотно.

Перед Эеншардом стояла совсем юная женщина. Облаченная в полупрозрачное белое платье, она робко соединила свои ладошки, прикрывая хоть частично низ живота, но ее пышную грудь с торчащими от волнения сосками сложно было не заметить с такой тонкой фигуркой.

Только по личику было ясно, что это смуглое чудо с двумя длинными толстыми косами совсем еще робкое создание. Девочка – а Эеншард не мог смотреть на нее как на женщину, предпочитая девиц постарше и опытней – опускала глаза и сжимала пухлые губки, кривя их.

Третий принц протянул ей руку. Тем самым он принимал ее, вернее принимал предложение ее отца – взять эту девочку в свой гарем, теперь же она должна была принять его руку, и тем самым покориться. По закону, она могла ему отказать, но в реальности выбора у нее не было так же, как у самого Эеншарда.

Взглянув на своего нового господина влажными темными глазками, девушка несмело положила свою маленькую нежную руку на грубую ладонь мужчины и тут же скользнула к нему, прильнула и, сжимая большой палец на ладони Эеншарда, уткнулась носом в его грудь.

По телу малышки ходила дрожь, но Эеншард не пытался ее утешить, просто позволяя ей застыть так, как она сочла необходимым. С ней он разберется после.

– Благодарю, отец, это прекрасный подарок, – сказал он холодно, затем посмотрел на Оэкара Шада и произнес: – И вам спасибо за красивую дочь.

– Я рад, что она тебе нравится, – посмеиваясь, заговорил Дешар, – ибо я желаю увидеть твоих наследников именно от этой женщины. Род Шад издавна славился добрыми воинами и крепкими женщинами, способными произвести на свет достойное потомство, а такому герою, как ты, просто нельзя не оставить стране своих наследников.

Дешар улыбался, а Эеншард, стиснув зубы, постарался не оскалиться, бросая взгляд на старшего брата.

Эймар показательно посмотрел в сторону, будто не имел к происходящему ни малейшего отношения и усмехнулся так, что не заметить это было трудно.

– Надеюсь, ты понял мою волю? – спросил Дешар.

Мысленно ругаясь, Эеншард коротко ответил:

– Да.

– Тогда я желаю видеть ребенка не позже, чем через год!

Заявив это, король махнул рукой, давая понять Эеншарду, что ему стоит убраться как можно скорее, если он не хочет проблем. Этот жест принцу был хорошо знаком. Он поклонился королю, подождал, пока его новая наложница тоже склонит голову перед правителем, кивнет отцу, и вышел, позволяя ей испуганно сжимать один лишь палец на его большой руке.

– Зовут тебя как? – глухо спросил Эеншард, когда они оказались в коридоре.

Он не смотрел на девушку, быстро шагая вперед. Девушка же, семена за ним, едва успевала, но крепко держала его, глядя на спину мужчины с явным волнением.

– Дерб, – ответила она тихим нежным голосом.

– Эту ночь ты проведешь со мной.

– Да, господин, – взволнованно отвечала девушка.

Эеншард же проклинал брата и абсурдную логику отца, который то желает ему смерти, то мечтает увидеть его потомство.

* * *

Когда Эеншард говорил Ленкаре, что не хочет детей, он не лукавил. Пользуясь негласным правилом, он с самого двадцатилетия не появлялся на совете Эштара, тем самым говоря своим братьям, что в борьбу за трон он вступать не собирается, но когда его брат станет королем, Эеншард, как минимум, должен будет лишиться имени и навсегда перестать быть частью королевской семьи. Не испытывая особой любви к отцовскому роду, Эеншард счел бы подобный исход идеальным. Только сохранить ему жизнь – это одно, а жизнь его детей, особенно сыновей, – совершенно другое. Когда Дешар пришел к власти, он убил всех братьев, а всех их детей – и мальчиков, и девочек – продал работорговцам. Страшно подумать, но где-то там, за Белым морем, среди рабов, быть может, еще жили родные королей рода Клен Дерва.

«Какие могут быть дети, если я даже свою жизнь защитить не могу», – решил Эеншард еще в юности, когда его первая наложница вдруг попросила ребенка.

«Глупая женщина», – решил он тогда и больше не звал ее в свои покои.

Он брал своих женщин в зад, по-эштарски, как говорили иногда, грубо, но зато надежно защищая себя от ненужной беременности.

Эштарские женщины обычно благосклонно принимали его, в конце концов, для Эштара такой способ контрацепции был исторической нормой. Женщины захваченных городов сначала плакали, а потом принимали его ничуть не хуже эштарок.

Теперь же его лишили права выбора, назвав и женщину и срок.

Эеншард понимал, что для отца это просто забава. Едва ли он сможет поиздеваться над своими неугодными внуками, зато его наследник получал идеальный рычаг давления на

пока еще главнокомандующего эштарской армией. По всему выходило, что Эймар дал шанс Эеншарду выжить только потому, что собирался его использовать, а чтобы невидимая цепь окрепла, добавил еще и ребенка.

Сказать «нет» и умереть? Он уже бросил однажды Артаса, теперь же бросить Эрта и остальных малышей просто не мог. Едва ли даже Эмаргану исполнится двадцать к моменту коронации, что уж говорить о младших, не имевших даже шанса на борьбу. Эймар не станет сохранять жизнь тем, кто не будет ему полезен. Выходило, что спасти младших братьев Эеншард мог, лишь забрав их в ученики и пообещав сделать из них настоящих бойцов, но как же это злило!

Отправив Дерб в гарем к другим женщинам, он не знал, как поступить, а в голове, как назло, всплывали только синие глаза северной принцессы, и «прощай» сказанное Шардаром.

Еще не остыл пепел одной войны, а третий принц уже мечтал о другой, не потому что ему нравилось воевать, захватывать и убивать, а потому что там он всегда знал, что делает и понимал, что происходит, а здесь ничего, кроме гнетущего бессилия, просто не могло существовать.

Открывая бутылку рома в полном одиночестве, Эеншард думал о возможности побега, с ужасом понимая, что со своей чисто эштарской рожей не сможет скрыться даже на краю света. Даже если он каким-то чудом умудрится найти себе работу в другой стране, а лучше на другом континенте, он не сможет позаботиться о трех младших братьях.

И почему-то к этим мыслям все равно примешивалась Ленкара, которая выходила замуж за другого. Если бы ее отец дал ему хотя бы шанс, хотя бы долю шанса, Эеншард сделал бы все, чтобы стать лучшим мужем авелонской королевы, а главное – покинул бы Эштар, забрав с собой младших; но по доброй воле эштарцам, как варварам, давно перестали открывать дверь.

Эеншарду оставалось только пить, чтобы в темноте ночи не думать о невидимых цепях на собственной шее. Он должен был выжить, чтобы защитить хоть кого-то из своих братьев.

* * *

Дерб Шад лукаво улыбалась, расчесывая длинные волосы. Она волновалась до легкой дрожи в коленках, но в то же время была счастлива. Когда-то давно, совсем маленькой девочкой она увидела принца Эеншарда. Он въехал в город со знаменем в руках и, прищпорив коня, промчался по главной улице Эшхарата. Тогда девочка долго не могла забыть черные неистовые глаза и огромные руки воина. После она много раз украдкой смотрела на принца, а вчера, переодевшись мальчиком, пробралась в храм, с дрожью в руках. Перетянутая грудь болела, трудно было дышать, но она, чуть не плача, не отводила глаз от схватки принца со львами, а сегодня она не верила своему счастью.

– Принц обычно груб, – проговорила женщина, наблюдавшая за новенькой.

Дерб обернулась.

– Что? – спросила она, потому что действительно ничего не слышала, думая о своем чудесном будущем.

Женщина вздохнула, поправила полотно, покрывавшее ее голову, манерно провела рукой по изумрудному колье, украшавшему ее грудь, и вновь мягко заговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.